Виктор Алеветдинов

Сладкий рис для тех, кто всё забыл

Тёплая слива

Книга 4

Романтическое фэнтези

Виктор Алеветдинов

Сладкий рис для тех, кто всё забыл

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Сладкий рис для тех, кто всё забыл / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Ещё минуту назад Кэн любил Лиору. Теперь просит убрать руку с его запястья.В деревне, где никто не ссорится, он забыл несколько месяцев их общей жизни. Лиора готова искать потерянное хоть в лесу, где воспоминания созревают на ветвях. Но за деревенским спокойствием обнаруживаются запертый дом, исчезнувшие имена и преступление, о котором здесь предпочли забыть.У Лиоры есть надежда — сладкий рис, способный вернуть любимому прошлое. Только рецепт позволяет выбрать, какие дни он вспомнит первыми. Оставить нежность, убрать ссоры, отложить трудный разговор о дороге Так легко приготовить человека, который снова захочет остаться.Лиора знает, как готовить на двоих. А как заново понравиться человеку, который помнит её еду, но забыл их любовь?Четвёртая книга цикла «Тёплая слива».

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Деревня без ссор 5
Глава 1. Рис без имени 5
Глава 2. Где никто не спорит 9
Глава 3. Чужой стол 13
Глава 4. Дом с закрытыми ставнями 17
Глава 5. Общий инвентарь 21
Глава 6. Отдельная комната 25
Часть II. Запертая комната 29
Глава 7. Две истории моей жизни 29
Глава 8. Имена под известью 33
Глава 9. Подпись ученицы 37
Глава 10. Проба сладкого 41
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Виктор Алеветдинов
Сладкий рис для тех, кто всё забыл

Часть I. Деревня без ссор

Глава 1. Рис без имени

Лиора

Лушаньский рис за ночь разбух до краёв миски. Отмерила на пробу две горсти, добавила нарезанную сушёную грушу из своих запасов и поставила кастрюлю на огонь. До открытия хотелось понять, за что нам предлагают деньги. А там бы поработать хоть денек без сюрпризов. В «Тёплой сливе» впервые после ремонта можно было обслужить весь зал.

Кэн дожевывал лепёшку с каплей перечного масла. Соседи заказали на обед горшок бобов и попросили приправить их, как обычно. Мне пока можно было доверить только сами бобы. От запаха перца защипало в носу. От масла почувствовала бы вкус жареных семян. Острого по-прежнему не различала.

— Для их горшка хватит и половины ложки, — сказал Кэн и отодвинул лепёшку. — Куда записать пробу? В дорожные расходы?

— Начни с ложек. За потерянное жалованье.

Он вернул ложку на блюдце. Потом достал из кармана сложенный лист и положил рядом с моей рукой. Это было вчерашнее письмо от заказчика. За подтверждение рейса до полудня он обещал полную надбавку. Позже оставалась половина. Кэн показал мне письмо, едва его получил. В его журнале разговор стоял на вечер, после первого полного дня работы харчевни. Мы ещё вчера решили поговорить до открытия.

— Давай сейчас, пока дверь закрыта, — сказал он.

Под пробной кастрюлей только схватилась лучина. Можно было попросить подождать до кипения. А там и молочник придёт, и пора будет отпирать дверь. Переставила кастрюлю на холодную плиту и погасила огонь. Кэн подвинулся на скамье, и мне хватило места рядом с ним.

До выезда оставалось дней десять. Кэну предлагали сопровождать караван до западных складов, договориться с двумя торговыми домами и проверить старую сигнальную ветвь. На всё отводилось около двадцати дней. Если работа затянется, срок можно было продлить ещё на десять.

— Когда станет ясно, нужны ли ещё десять дней?

Кэн развернул карту на скамье. По его прикидкам, это выяснится у складов, после разговора с людьми, которые обслуживают ветвь. Там же он надеялся найти груз на обратную дорогу. Уехать на запад было проще, чем устроить возвращение.

— Напиши со складов, как только узнаешь, — попросила. — Мне проще заранее договориться о подмене, чем каждый вечер гадать, ждать тебя к ужину или нет.

Кэн кивнул. Спросил, что нужно успеть здесь до его отъезда. Хотелось закончить сезонную закупку. Часть припасов на время ремонта разнесли по соседним кладовым, и заказывать новые, пока не пересчитали свои, было рано. Попросила Кэна помочь с этим завтра. Он сказал, что с утра свободен.

Кэн взял меня за руку. Мука с его пальцев осталась у меня на ладони. В ставню постучал молочник. Он всегда приходил чуть раньше. На этот раз пришлось подождать ему.

Решили вернуться к разговору через три дня. Кэн к тому времени поговорит с возчиками, а у меня сложится расписание кухни. Он тут же написал заказчику, когда сможет дать ответ, и отправил письмо с утренним посыльным. Половину надбавки вычеркнул из расчётов.

Когда в зале подали первый завтрак, вернулась к пробе. Рис постоял в воде и успел размякнуть по краям. Огонь под ним пришлось держать слабее, чем собиралась с утра. Пока он доходил, достала из верхнего ящика рецепт «Рис старого праздника». Неделю назад убрала его туда, чтобы спокойно доесть первый ужин дома. Потом взялись за ремонт, и до пробы руки дошли только теперь. Приписку внизу помнила и без листа. «Верните людям вкус старого праздника. Имя найдёте на месте». Строка для имени человека или дома оставалась пустой. Теперь заметила мелкие слова возле указания, когда солить.

Соль следовало положить в конце, назвав хозяина стола. Для вкуса хватало щепотки, имя требовалось для другого. Если рецепт держался на памяти о конкретном ужине, по имени повар находил оставленный в блюде след. Чужой праздник из кастрюли не вспомнишь, но иногда можно различить вкус, которому в ней взяться неоткуда. Мне доводилось сварить отвар по записи женщины, которая ставила его остывать на подоконник. В кружке проступил запах печёной айвы, хотя в горшке были одни сливы. Айву к тому отвару подавали отдельно. Это объяснила сама женщина, когда забрала заказ.

Здесь вместо имени оставалось достаточно места, чтобы вписать целую семью. Поднесла лист к окну. На сгибах бумага вытерлась, а пустая строка была цела. Если её и заполняли, то делали это способом, от которого не осталось ни чернил, ни вмятины. На пробу положила соль молча. Придумывать за хозяина имя было всё равно что сыпать приправу из банки, на которой стёрлась надпись.

Рис получился мягкий, с чуть плотной серединой. Груша отдала ему приятную кислинку. Следа, ради которого прислали рецепт, не было, зато сладость держалась во рту, когда от груши уже ничего не осталось. Запила водой и ощутила её снова. Умей рис так цепляться к ложке, его пришлось бы соскребать ногтем.

Сняла Крума с полки над рабочим столом. После ремонта он вернулся на своё место и потребовал убрать с полки всё остальное. Сполоснула ступку горячей водой и вытерла. Крум не любил, когда его просили разобраться со вкусом, оставив на дне вчерашнюю приправу. По его просьбе положила на прогретое дно зёрнышко из пробы и раздавила пестиком. Крум дал мне растереть рис почти в кашицу, прежде чем заговорил.

— Дай грушу. Ту, что в горшок не клала.

Отрезала уголок от дольки из той же банки. Груша оказалась сладкой только возле кожицы. Крум велел нагреть чистую воду и подержать в ней несколько зёрен из мешка. Растёрла одно у стенки вымытой ступки. На кончике языка остался тот же приторный вкус.

— Так запас берегут, — сказал Крум. — Приходилось растирать рис после сырого сезона. На вид такой же, а сладость держится даже после промывки.

— Её можно убрать?

— Привези воды оттуда, где этот рис варят. Тогда поглядим, что убирать. Начнёшь промывать горячей, и сравнивать будет не с чем.

Собиралась залить следующую пробу кипятком. Чайник уже шумел. Перелила воду в таз для посуды, а сухой рис отсыпала в полотняный мешочек и завязала тесёмку. До этой минуты думала, что сумею отписать отправителю, как варить рис к празднику. Теперь хотелось сперва узнать, чем зерно обработали.

Когда потянулась за рецептом, заметила на бумаге новые буквы. Лист лежал у кастрюли и согрелся, пока занимались рисом. Под пустой строкой проступил номер, следом показались слова «Запрос к служебной записи. Лушань». Надпись начинала бледнеть с краёв, стоило отнести лист подальше от плиты. Переписала номер в кухонную книгу. Попробовала ещё раз прогреть край листа. Номер проступил тот же. Ниже бумага оставалась чистой.

Торговую квитанцию вынула из-под бечёвки на мешке. До сих пор видела её только сложенной вчетверо, с нашей улицей на верхнем сгибе. Внутри стояло имя Тэя Сора, старосты Лушаня, и адрес для ответа. Рядом писарь указал, что обратная связь оплачена отправителем. Кэн собирался на станцию, где у заказчика был торговый стол. Попросила его взять с собой и мой листок. Написала номер запроса и спросила у старосты, чьё имя ставить в рецепте. О плате пока не упоминала. Одно дело сварить рис к ужину, другое — возиться с рецептом, пока из него не выйдет то, что помнит заказчик.

До обеда успели вынести соседям бобы. За горшком пришла девочка с полотенцем, и пришлось помочь ей на пороге. Горшок она держала обеими руками и за ним не видела, куда поставить ногу. На обратном пути заглянула в зал. Скамья под окном, которую всю неделю держали перевёрнутой, была занята. Раньше людям у этого стола пришлось бы ждать на улице. Теперь хватило места даже мне. Забрала с кухни свою порцию и села поесть в зале, пока варился следующий котёл.

Кэн вернулся, когда уже убирали обеденные чашки. На станции ему выдали короткий ответ Тэя. Служебная связь на новой ветви уже работала, хотя пассажиров ещё возили с пересадкой. Запрос приняли по номеру из рецепта. Староста подтвердил заказ. Рис просили подать на общий стол, как подавали прежде. На мой вопрос Тэй ответил одной строкой. «Имени назвать не могу. У нас этот рис всегда готовили сообща».

Пододвинула ответ к приписке на рецепте. Если Тэй знал, в какую дверь постучать, мог бы её указать. За общим столом человек порой и миску свою не узнаёт, но хозяина назовёт. Особенно если хозяину надо вернуть котёл.

— Он предлагает нам приехать? — спросила.

Кэн перевернул лист. На обороте была только отметка об оплате ответа. На станции уже принимали грузы на Лушань, и он успел узнать, как добраться. Прежде туда ездили вокруг старой насыпи. Теперь гражданский обоз шёл по открытой ветви до перевалочного двора. Там можно было переночевать и с утра пересесть к местному возчику. Если выехать после обеда, доберёмся завтра к вечеру. На последнем участке цену назначали сами перевозчики. Кэн оставил у станционного писаря монету за место для нашего ящика. До отправления её можно было забрать. За проезд предстояло заплатить на месте.

— Поедем вместе? — спросил он. — До деревни с тобой охотно. А там сначала послушаем, чего от нас хотят.

Кэн напомнил, что завтра мы собирались считать запасы. Перенесли пересчёт на день возвращения. Дату разговора о рейсе переписала из кухонной книги в дорожную. Если задержимся, поговорим в Лушане.

— За пробу возьмём обычную плату, — сказала ему. — Сварить на всю деревню обещать пока рано.

— И дорогу посчитаем отдельно. Своё место оплачу сам. Торговый груз на вашу кухню вешать незачем, даже если найду там покупателя.

Кэн вынул дорожный кошель и отсчитал деньги на место в обозе. Заодно уточнил, сколько места займёт походная плита. Прикинули, что уложимся в один ящик. Две большие кастрюли тащить смысла не было. В малой можно сварить столько риса, сколько нужно для сравнения. Оставалось получить воду из того источника, которым в Лушане пользуются для праздничной еды, и узнать, помнит ли в деревне хоть один человек, кто ставил на стол первую миску. Кэн предложил передать через станцию время нашего приезда, чтобы Тэй мог нас встретить. Попросила добавить, что везём только пробу и угощения к вечеру не обещаем.

Утром собиралась сама выпроводить последнего гостя и задвинуть засов. Скучала даже по этому, пока ремонтировали зал. Сняла со стены расписание. Тот, кто согласится закрыть харчевню, должен успеть предупредить домашних, что задерживается.

Юнь нашла меня у двери в кладовую. Она заперла свою кухню после раздачи и вертела в руках ключ. Рассказала ей, что нашла в рецепте и зачем мы едем в Лушань. Юнь дослушала до конца и спросила, можно ли ей с нами. Хотела сама вести походную кухню, если придется работать во дворе у старосты. За последние дни через её окно прошло достаточно народу, чтобы она поняла, сколько еды может приготовить одна. Теперь ей хотелось попробовать с незнакомыми помощниками.

— Успеешь найти замену на завтра?

— Могу попросить Ань. На утро хватит котла поменьше. С большим она одна не справится, да и таскать его у горячей печи тяжело. Если согласится, покажу, где лежит запас.

На языке уже вертелось предложение дать Ань помощника и оставить большой котёл. Юнь тем временем прикинула, хватит ли уменьшенной порции на постоянных гостей. Решила снять с доски объявление о добавке, пока люди ещё не пришли за вечерней едой. Попросила её вписать стоимость подмены в расходы на поездку и отдала расписание. Ключ Юнь оставила у себя до разговора с Ань.

Старшую из наших помощниц нашла у кассы. Она согласилась закрыть зал. Завтра она выйдет и утром, если Кэн принесет мелочь для сдачи. Ещё одну смену взял повар, который приходил к нам обедать со времен ремонта. Из-за этого он пропустил свой выходной и попросил доплату. Договорились на месте. Через два дня ждали от нас вестей, чтобы не держать за нами следующие смены вслепую.

Когда Юнь вернулась, ключа у неё уже не было. Ань взяла смену и попросила оставить мерку для крупы на виду. Юнь приколола к доске новый лист поверх моего. В нем остался один котёл. Когда под окном спросили, можно ли завтра взять домой две порции, она сама вышла объяснить, что приготовят меньше. Голос у неё поначалу дрожал. Второму человеку она ответила уже из дверей.

Ящик собрали на скамье у задней двери. Кэн подложил край фартука под крышку походной кастрюли, чтобы она не звенела на ухабах. Крум поместился в углу ящика вместе со своей корзиной. Под ступку постелили два слоя ткани, как он любил. Он спросил, взяли ли рис из того же мешка, что и утром. Она показала ему завязанный мешочек. Рядом положила пустую бутыль с пробкой для лушанской воды. Юнь принесла свой нож, проверила, как он лежит в чехле, и убрала его в сумку. Открывать общий ящик ради первой же луковицы она не собиралась.

До отправления оставалось время, чтобы переписать рецепт на обычную бумагу. Под лампой она ещё раз сверила служебный номер и отложила оригинал в сторону, чтобы по дороге не залить его из фляжки. Кэн придержал копию за уголок. Он собирался приложить её к квитанции и спросил, как отличить этот лист от того, который нам могут дать в деревне. Она предложила ему подписать копию. Он поднёс перо к свободной строке, заметил над ней мелкие буквы и отдернул руку.

— Чуть не обзавелся праздничным столом, — сказал он.

Под рецептом Кэн вывел «Копию сверил Кэн Раю» и приписал название харчевни. Дождалась, пока он отложит перо, и потянулась за листом. Кэн все ещё держал его за уголок, и мои пальцы на мгновение коснулись его руки. Сложила копию пополам и убрала во внешний карман сумки. В Лушане хотелось показать Тэю пустую строку до того, как он велит накрывать на стол.

Глава 2. Где никто не спорит

Кэн

За последний спуск к Лушаню возчик запросил столько же, сколько мы вчера отдали за дорогу до перевалочного двора. Дощечку с ценами он держал на колене. Проезд и груз шли отдельно. За ящик полагалось заплатить столько, словно его понесут на руках.

Попросил показать, где кончается хорошая дорога. Возчик ткнул кнутовищем вниз, туда, где над ручьем светились переложенные доски. Наш обоз дальше перевалочного двора не ходил. Оттуда ездили на легких телегах. Старый объезд размыло, а по мосту до сих пор пропускали только по одной телеге за раз. Цена казалась понятной, пока не посмотрел на его телегу. В ней оставалось место для нашего ящика, даже если бы возчик посадил нас всех рядом с собой. А ехать ему все равно предстояло вниз. У заднего колеса стоял пустой бидон из-под молока, на котором углем было выведено название деревни.

Предложил заплатить за нас по дощечке, а ящик взять по цене одного мешка. Возчик пощупал ручку и спросил, что внутри. Юнь ответила, что походная кухня, и сама взялась за другой конец, чтобы он мог оценить вес. Из корзины под крышкой донеслось недовольное покашливание. Возчик отпустил ручку. Пришлось сказать, что ступка у нас разговорчивая, но в дороге её лучше не тревожить. Кажется, его это устроило. Он согласился на цену мешка и принёс веревку.

Тут от навеса подошёл второй возчик. У его телеги висела такая же дощечка с ценами. Первый отдал ему веревку и предложил взять нас вместе с ящиком. Сказал, что так всем будет удобнее. Второй взялся было крепить груз, но увидел бидон и вернул веревку. Нам, по его словам, лучше ехать с первым. Так всем будет удобнее.

Обычно после таких слов возчик объясняет, отчего уступает деньги. Здесь оба уже занялись ящиком. Пока первый затягивал узел, спросил у второго, кто чинил переправу прошлой весной. Тот показал на мост. Чинили, сказал, всей деревней.

Спускались медленно. На мосту у одного колеса оставалось места на ладонь до края настила. Возчик слез и взял лошадь под уздцы. У въезда под навесом висел молоток с гладкой от работы рукояткой. Рядом стояла корзинка с клиньями. Один такой клин торчал сбоку в первой доске настила. Вставили его с умом. Если доска расшатается, можно подбить клин с берега.

Спросил возчика, сам ли он укладывал настил. Доски, вспомнил он, привезли ещё до спада воды. Справились сообща. На другом берегу он снова забрался на сиденье и попросил Юнь придержать ящик на повороте. Ту часть дороги, за которую он сегодня отвечал, он знал до последней колеи.

К общему двору подъехали, когда в окнах уже горел свет. Возчик развязал веревку и взял условленное. Отдельно отсчитал ему свою долю. Юнь проверила, цела ли бутылка. Ящик вместе отнесли под навес, который ей показали у кухни. Лиора задержалась у колеса, пока доставала сумку. Из наружного кармана она вынула сложенную копию рецепта. Не успели мы отряхнуться, как она уже искала глазами старосту.

Тэй Сор вышел из-за длинного стола. Назвался сам и сказал, что отправил посылку, как только получил адрес «Тёплой сливы». Рис у них к празднику сварили и теперь. Получилось сытно, только за вторым черпаком больше никто не потянулся. Тэй помнил, что раньше на дне оставалась одна корка, и ту делили. Ему хотелось, чтобы люди ещё раз наелись такого риса.

Лиора показала ему строку для имени. Тэй разгладил лист ладонью и сразу узнал рецепт. «Раньше готовили вместе», — повторил он. Лиора спросила, у кого можно узнать, в какой посуде варили и сколько воды брали. Тэй оглянулся на женщину, которая расставляла миски. Она сказала, что у них рис всегда готовили вместе. Староста предложил расспросить о воде

завтра. Печь уже растопили, и он был бы рад, если бы Лиора сначала приготовила общий ужин. За едой, может быть, люди и вспомнят, чей это был стол.

— На вечер мы ничего не обещали, — сказала Лиора. — Сначала нужна проба на вашей воде.

Тэй согласился и вернул ей лист. Лиора сложила копию и убрала обратно в карман. По дороге мы говорили о пробе, а от старосты пока слышали только об ужине. Между ними полдня работы и целый котёл риса. За неудачную пробу платят ещё меньше, чем за удачную.

Попросил сначала договориться об одной рабочей смене. За работу кухни, включая малую пробу, платят отдельно от ужина. По итогам проверки можем отказаться от крупного заказа. Соль и топливо даст деревня. За ночлег рассчитаемся отдельно.

— Хотите, чтобы проверку оплатили, даже если рис останется в мешке? — спросил Тэй.

— Если для проверки понадобится оставить его в мешке, то именно за это и заплатите.

Тэй обдумывал ответ, пока женщина ставила перед ним чай. Потом попросил назвать сумму. Быстро сошлись на цене. Записали условия на листе из его папки. Тэй подписал его, отдал мне и разрешил утром взять местных помощников. Убрал бумагу в сумку и сел за стол.

В центре стола остался кусок пирога с поджаристым краем. Сосед справа подвинул блюдо ко мне. Женщина напротив сказала, что такой кусок полагается гостье, и повернула блюдо к Лиоре. Лиора тем временем освободила место для чайника и вернула пирог. Пирог совершил круг и успел остыть. Взял нож, пока блюдо снова не стало скользким.

Разрезал кусок на две части. Одному досталась почти вся поджаристая корочка, другому — узкая полоска мякиша. Положил порции тем, кто первым предложил пирог гостям. Оба поблагодарили. Думал, сосед попросит отрезать ему ещё. Он съел свою полоску и даже не посмотрел, что досталось женщине.

Староста тем временем принёс с полки темную чашу. Поставил рядом с собой и прижал большой палец к метке на ободке. По дну прошла светлая черта, над ней появилось название харчевни. Затем проступили слова «Прибытие группы». Тэй убрал руку. Других строк не появилось.

Спросил, куда он внесет условия о кухне. Тэй кивнул на мою сумку. Для условий, сказал он, у нас есть подпись, а в чашу он внес тех, кому приготовят комнаты. Названия харчевни ему оказалось достаточно. Переписал строку в дорожную книжку, пока она ещё была видна. Поставил рядом дату.

После ужина Лиора снова спросила про праздничную посуду. Ей нужна была хотя бы одна старая миска, чтобы понять, сколько риса приходилось на человека. Если сохранился котёл, по его размеру можно было прикинуть, сколько варили за один раз. Тэй послал с нами женщину, которая разносила чай. Сам он остался ждать хозяина гостевого дома, чтобы сказать ему, сколько комнат понадобится.

За общим двором проход сужался. Женщина шла впереди с фонарем, Лиора придерживала локтем книгу. Пока спускались к нижним домам, она ещё раз спросила, кого лучше позвать утром. Хотела поставить пробу рядом с человеком, который своими руками готовил праздничный рис. Провожатая подумала и сказала, что можно позвать любого, потому что раньше готовили все вместе. Сама она с радостью покажет, где набирают воду. Старая посуда, по её словам, осталась в доме в конце прохода.

В доме были закрыты ставни. Женщина поднялась на крыльцо, подергала дверь и попросила прийти утром. Ключ у старосты, а посуду все равно лучше смотреть при свете. Лиора попросила посветить в окно. Хотела понять, за ним ли кухня. Если там до сих пор стоит котёл, может, и пробу можно сделать здесь, чтобы не тащить его через полдеревни.

Женщина передала мне фонарь. Поднёс его к нижнему краю ставен. Между створками оставалась щель. Сквозь неё тянуло прохладой. Прямо за ставнями заговорил мужчина, негромко, как говорят через стол, когда остальные заняты едой.

— Соли не хватает. Подай, пожалуйста.

Женщина забрала у меня фонарь и посветила Лиоре под ноги, чтобы та спустилась с крыльца. Лиора не двинулась с места. Мы оба смотрели на щель между створками.

Спросил, можно ли поговорить с хозяином. Женщина удивилась. Дом давно пустует, объяснила она. Теперь в нём хранят старую посуду. На вопрос, слышала ли она просьбу о соли, кивнула и повернулась к проходу. Утром, повторила она, будет лучше видно. Фонарь в её руке даже не дрогнул.

Рука уже поднялась, чтобы постучать. В Илмаре доводилось слышать голоса, которые звучали и без живого собеседника. Там мы хотя бы знали, в какой вещи искать запись. Опустил руку. Сначала нужно было выяснить, что расслышала Лиора.

— Дословно помнишь? — тихо спросила она.

Повторил ей обе фразы. Лиора сказала, что слышала то же самое. Открыл дорожную книжку и записал слова, пока помнил. Приписал, что говорившего мы не видели. Лиора попросила у проводницы фонарь и подняла так, чтобы свет падал на лист и не слепил мне глаза. Дома она так же держала лампу, когда приходилось сверять накладные над ящиком. Заметил это только после того, как поставил точку.

В проходе на секунду задержался. Хотел проверить, не донеслась ли просьба из соседнего двора. Как раз там хлопнула дверь, и под навесом залаяла собака. Оба звука донеслись слева, поверх шума воды в жёлобе. А под окном было слышно, как мужчина набрал воздуха перед «подай». Зачеркнул в блокноте «в доме» и написал «за ставнями». Лиора подождала, пока уберу карандаш, и только потом опустила фонарь.

На обратном пути женщина показала колодец у кухни. Теперь воду для праздничного риса брали оттуда. Где брали раньше, она сказать не могла. Юнь встретила нас у навеса, достала из ящика пустую бутыль и ополоснула её первой кружкой из ведра. Вторую наполнила и закрыла пробкой. Лиора попросила пока не открывать бутыль. Утром хотела сама посмотреть, какую воду подают к печи.

Лиора вернула проводнице фонарь и попросила передать Тэю, что утром мы хотим увидеть посуду до первой пробы. Женщина понесла фонарь к общему столу. Пока она шла через двор, прислушивалась, не позовут ли её с крыльца. Из нижнего прохода уже ничего не было слышно. У кухни Юнь пыталась закрыть ящик. Под крышку попал край фартука, которым Кэн дома накрывала кастрюлю. Он помог ей заправить ткань внутрь. Бутыль Юнь поставила отдельно, на полку у двери, чтобы утром взять её первой.

В гостевом доме нам с Лиорой выделили одну комнату. Юнь поселили через стену, ближе к выходу во двор. Хозяин назвал цену за ночь и положил на стойку два ключа. Рассчитался за обе комнаты. Юнь забрала свой ключ и пошла к себе. Хозяин показал на боковую дверь во двор и попросил предупредить, если мы соберемся остаться ещё на одну ночь.

Едва войдя в комнату, Лиора попросила не ставить сумку под вешалку. С мокрых плащей на неё натечет, а нижний шов давно пора зашить. Она примерила сумку к скамье. Та оказалась узкой. Лиора повернула сумку боком, чтобы пряжка не упиралась в стену.

Отодвинул от стола табуретку для Лиоры и поставил лампу посередине. Лиора терпеть не могла читать, когда половина страницы оказывалась в тени. Она посмотрела на стол, потом на кровать.

— Подвинь лампу к кровати. Ноги гудят. Сегодня буду читать лёжа.

Принёс лампу на тумбочку. Пока освобождал место для книги, Лиора села на край кровати и стянула сапоги. Один завалился на бок, задел мой. Она затолкала оба носка под скамью и поймала меня за рукав, когда проходил мимо. Наклонился, чтобы поцеловать её. От чая у неё ещё пахло печёной сливой. Спина перестала ныть только после того, как сел рядом.

Показал Лиоре запись из чаши. Она прочла «Прибытие группы» и спросила, кто именно подтвердил прибытие. Ответил, что только Тэй. Нас по именам не спрашивал. На бумаге за

кухню расписался сам, а с нашей стороны условия согласовали вслух. Достал подписанный лист и положил рядом с книжкой. В нем говорилось об одной смене и оплате за пробу.

В Камышовых Воротах за записью о ночлеге следовало самое большое требование — вернуть ключ. Здесь староста сказал, что записал жильцов, хотя в строке значилась целая харчевня. Предложил утром спросить, что означает прибытие группы и можно ли посмотреть запись, ничего не подтверждая от своего имени. После Соляной дороги мне хватило одного общего слова в бумагах, чтобы захотелось узнать, чьи подписи оно заменяет.

Лиора легла поверх одеяла и раскрыла книгу. Сказала, что до разговора с Тэем никому в деревне не даст попробовать рис. Одну смену мы уже взяли. За это время можно осмотреть кухню, проверить воду и попросить открыть дом. Если к вечеру выяснится, что от нас ждут только полного котла, вернём ключи и пойдём к возчикам. Согласился. Правда, у закрытых ставен трудно было бы с такой же уверенностью сказать, что к вечеру мы соберёмся уезжать. Мне хотелось услышать, повторится ли просьба о соли.

В дверь постучала Юнь и спросила, во сколько завтра открывать кухню. Лиора ответила, что время и помощников Юнь согласовывает сама, а к первой пробе позовет нас. Юнь сказала, что начнет с печи. Пока она будет нагреваться, Юнь успеет выяснить, сколько человек придет на утреннюю раздачу.

Лиора протянула мне копию рецепта. Сложил её с договором и сунул под клапан сумки. Дорожную книжку оставил раскрытой там, где за строкой о нашем приезде шла просьба передать соль. Первую утром покажем Тэю. Вторую хотелось ещё раз услышать у того же окна.

Глава 3. Чужой стол

Юнь

На общей кухне уже топилась печь. Расставила у окна миски и убрала вчерашнюю бутылку подальше от жара. Её взяли на пробу, а к завтраку нам дали обычный рис из деревенских запасов. Мешочек из посылки так и лежал завязанный в дорожном ящике.

Из местных помощников первыми пришли Линь и Бо. Линь показала, где у печи стоит чистая вода. Большой чан у двери с утра переполнили, а когда сдвинули крышку, в воду посыпался песок. Оттуда пока не брали. Бо принёс лучину и спросил, что ещё нужно сделать. Оба так внимательно ждали распоряжений, что хотелось дать им работу сразу на весь вечер. Дома уже спросили бы, зачем начинать с риса, если остались лепёшки.

Попросила Линь промыть рис для первой кастрюли, а сама отмерила соль и взялась за овощи. Когда она принесла миску, вода в кастрюле уже закипела. Она засыпала рис и вернулась к доске. Тут Бо поставил на стол ещё одну такую же миску. Он услышал, что рис нужен для открытия, и тоже принялся его промывать. Линь сказала, что они готовили вместе. Даже крупы они отмерили поровну.

Пришло время открывать окно. Подняла крышку и провела лопаткой по краю котла. Между зёрнами на лопатке виднелся песок. Смахнула несколько песчинок в блюдце, и под ногтем что-то заскрипело. Бо как раз подал мне первую миску. Поставила её обратно и велела отодвинуть котёл от окна.

Спросила, кто набирал воду из переполненного чана. Линь видела ковш на столе, Бо помнил, что воды к открытию было достаточно. Оба снова сказали, что готовили вместе. Ковш был мокрый, ведро у печи пустое. Хотелось спросить ещё раз, погромче. Вместо этого посмотрела, кому велела следить за водой. В моем списке напротив слова «вода» не было ни одного имени.

— Я сказала, когда понадобится рис. Про воду спросила только сейчас.

Бо тут же заверил, что все понятно. Наверное, это должно было меня приободрить. За окном уже ждали завтрака, а в запасе оставалась миска риса, за который тоже никто толком не мог ответить. Отставила её и записала в расход то, что уже сварила. Полмеры крупы и огонь под котлом ушли впустую. Первым людям раздали лепёшки с горячим отваром и предупредили, что рис будет позже.

Бо поручила принести свежую воду к тому времени, как мы освободим печь, и показать мне ведро. Линь попросила сразу отмерить крупу на один котёл и подождать Бо. Оба направились к двери. Пришлось окликнуть Линь и повторить, что крупа у неё за спиной. На этот раз Бо ушёл один. Линь достала мерку и спросила, можно ли насыпать с горкой. Наконец-то нашлось, о чём поговорить.

Когда сварилась новая порция, у окна снова стало шумно. Последнюю миску оставили для Бо. Он хотел пропустить завтрак, чтобы вынести испорченный рис. Попросила сначала поесть.

Суми появилась у окна, когда раздача закончилась. Она представилась гончаром и принесла со своего двора плоскую глиняную сковороду. Сказала, что может сделать корку из нашего варёного риса, если ей дадут горсть и место у огня. Потом посмотрела на меня и добавила, что ей удобнее кормить гостей за столом. У окна, пока раздаёшь другим, свою еду легко отложить до вечера. Отказываться после этого было бы смешно. Сама утром поймала себя на том, что убрала ложку в карман фартука, чтобы не занимать место.

Суми прижала рис ко дну мокрой лопаткой. Хотела задвинуть сковороду поглубже в печь, но Суми меня остановила. Повернула сковороду и показала, как быстро схватывается край там, где жар идёт сбоку. Середину она оставила мягкой. Дома первым делом отдала такую корочку Лиоре. Она любит отламывать край, пока он горячий, и всегда уверяет, что только пробует.

Мы втроем сели за короткий конец стола. Бо принёс чайник. Суми взяла из стопки четыре чашки и расставила их, глядя на сковороду. Три чашки она подвинула к нам, а четвертую поставила у свободного края скамьи. Там было удобнее всего сесть человеку, который войдет с улицы. Суми подождала у скамьи. Линь ушла завтракать домой, и Суми сама выпустила её со двора.

— Кто вас научил печь такую корку?

Суми сказала, что у них это умеют делать в каждом доме. Если дождаться, пока в печи останутся угли, корка отойдет сама. Показала, как поддеть её лопаткой. Спросила ещё, с кем она пекла в первый раз. Суми повернула сковороду за ручку и повторила, что раньше все так делали. Она явно старалась помочь. Про свой первый раз она даже вспомнила, как отскочила от печи, когда выронила лопатку. Лиора сначала подобрала её, а потом показала, как держать за ручку, чтобы не обжечься.

Суми заметила, что Бо пьет из чашки со сколом, и поменяла её на свою. Четвертую даже не тронула. Когда Бо потянулся к сковороде, она сказала, что край ещё горячий, и подала ему прихватку. Тут же вспомнила про хлеб для нас.

— Я сегодня пораньше достала. Берите, пока корка мягкая.

Она показала, где оставила буханку. А стоило спросить, кто раньше ставил хлеб к празднику, как снова получалось, что ставили все двором.

У Бо вышло так же. Он охотно объяснил, почему сегодня первым растопил дальнюю печь, и показал, какой заслонкой пользуется. За едой спросила, кто ему когда-то показал эту печь. В Лушане, сказал он, все умеют обращаться с огнем. Потом доел корку и унес сковороду. Чашку поставил на поднос. Та, что ждала у свободного места, осталась на столе.

Суми собрала крошки в ладонь и спросила, где Лиора. Сказала, что они с Кэном пошли к Тэю узнать про ключ. Когда упомянула дом с закрытыми ставнями, Суми сжала ладонь, забыв про крошки. Сказала, что в тот дом не пойдёт. Зато у себя во дворе обещала показать посуду. Спрашивать почему при Бо не стала. Да и после, когда он ушёл, отложила вопрос. Суми как раз отломила мне второй кусок корки и смотрела, возьму ли.

В рабочей тетради между строчками про крупу осталось немного места. Записала, что за столом сидели трое, а Суми поставила четыре чашки. Отдельно отметила, куда она подвинула лишнюю. Записала её слова о первом разе и о хлебе, который она сегодня вынула. О том, что делала сама, Суми рассказывала без запинки, пока речь шла об этом утре. Если Лиоре снова ответит, что рис готовили все вместе, покажу ей обе строчки.

К обеду Бо принёс из кладовой кувшин праздничной подливы. Тэй велел подавать её гостям, если кухня уже открыта. Бо поставил кувшин возле раздаточного окна и принёс отдельный черпак. Подливу можно было разогреть, пока варился рис. Суми сказала, что в деревне её держат про запас и к празднику открывают целый кувшин. Нам принесли маленький кувшин с крышкой, которую можно было плотно закрыть.

Подняла крышку, окунула ложку в подливу. Капля стекла, а запах варёной груши остался. Вчера в дороге Лиора объяснила, зачем мы везём сухой образец и почему пока не знаем, как убрать из риса лишнюю сладость. Тогда не смогла представить, о чём она говорит. От запаха из кувшина захотелось запить, хотя до пробы ещё не дошло.

Крум с утра стоял в корзине под навесом. Поставила его на стол и промыла горячей водой. Услышав про подливку, он велел капнуть на разогретое дно и растереть с крупинкой варёного риса из нашего котла. Потом попросил добавить немного воды. Запах груши ослаб. Попробовала кончиком чистой ложки. Сладость осталась.

— То же, что и в мешке, — сказал Крум. — Так хранят еду, когда она долго стоит. Здесь сладость держится крепче самой груши.

Спросила, можно ли подавать. Крум мог сказать только, что способ хранения ему знаком. Откуда подлива и что ещё в неё положили, он не знал. Оставалось решить, нужен ли этот

кувшин на моем столе. Рис уже дошёл, и люди подходили к окну. Бо держал черпак над первой миской и ждал, сколько велю наливать.

Попросила поставить черпак на блюдце. Суми подала чистую баночку. Налила немного и записала, что образец взят из кувшина, который к обеду принесли из общей кладовой. Баночку закрыла, а кувшин накрыла крышкой. Попросила оставить его на полке. На кухне стояли ещё два таких же. Пусть Лиора увидит, из какого взяли пробу.

Бо напомнил, что Тэй просил подать гостям подливку, и спросил, что ему теперь передать. Хотелось послать Бо за Лиорой. Она бы сразу нашла слова, от которых староста не обидится. Только очередь у окна тогда ждала бы её решения. Попросила передать Тэю, что сама отставила подливку и до конца раздачи будет здесь, если ему нужно поговорить.

У окна сказала, что сегодня выдаем обычный рис с тёплым овощным отваром. Кто хочет, может взять рис отдельно. Праздничной подливы на моей раздаче пока не будет. Женщина с двумя мисками спросила, нужно ли теперь предупреждать остальных, чтобы они не брали её еду. Ответила, что состав здешней подливы мне пока неизвестен, а за свою еду нужно отвечать сегодня. Женщина подумала и попросила добавить отвара в одну миску. Вторую она несла человеку, который любит рис без всяких добавок.

Руки наконец-то занялись делом. Бо подавал миски, а Линь подливала отвар из кастрюли, стоявшей на краю плиты. На третьей порции заметила, как Линь опять тянется через руку Бо. Утром просто велела бы им поменяться местами. Теперь спросила, где им удобнее встать. Линь сразу показала на свободный угол. Бо подвинулся, и по моей просьбе оставил там место с ладонь, чтобы поставить кружку для отвара. Кружка как раз встала. За окном даже не успели спросить, почему задержка.

Суми дождалась, пока очередь рассосётся, и взяла себе порцию. У окна попробовала отвар, узнала морковь и попросила потом показать, сколько её класть. Отнесла миску к столу, села на то же место, где завтракала, и вдруг оглянулась на свободный конец скамьи. Чашку к тому времени уже убрали. Суми провела ладонью по доске, словно проверяя, сухая ли она, и только потом снова взяла ложку.

— За столом как будто кого-то не хватает, — сказала она. — А кого звать, я не знаю.

Чуть было не спросила, для кого она поставила четвертую чашку. Вопрос уже был готов. Хотелось хоть тут получить имя, пока она смотрит на пустое место. Подождала, пока Суми доест. Потом спросила, какую посуду она собиралась показать у себя. У неё во дворе остались чашки старого обжига. Она предложила дать одну на пробу.

Пока Линь готовила крупу к следующей варке, попросила Бо остаться у окна. До моего возвращения они могли выдавать то, что уже готово. Если рис закончится, у окна так и скажут. Бо посмотрел в котёл и предупредил, что осталось пять порций. Оставила ему мерку. Баночку с образцом убрала в ящик.

У Суми во дворе печь стояла под навесом. К ней шли вдоль ограды, потому что посреди двора сушились сырые горшки. Суми показала, за какое место брать чашку с полки. Глазурь на старых чашках была только внутри, зато снаружи под ободком оставался выступ, за который можно было держать горячую чашку. Выбрала одну с целым краем. Пока примеряла её к ладони, заметила за стопкой широкую дощечку с насечками. Она закрывала щель между полкой и стеной.

Суми достала её и стряхнула пыль. Это был старый счёт на праздник. Насечки делали по мере того, как вынимали чашки из печи. Длинной насечкой отмечали последнюю чашку в ряду. Суми провела ногтем по дереву и показала, с чего начать. На доске было двадцать восемь насечек. Она ещё раз пересчитала их, начиная с края, потому что четыре насечки в конце были мельче остальных. Они тоже приходились по одной на каждую чашку.

К утренней работе Тэй оставил на кухне список домов. Возле каждого было указано, сколько чашек поставить к праздничному столу. На обороте Кэн записал для меня итог, чтобы

было проще рассчитать порции, если дело дойдет до общего угощения. Запомнила число, двадцать четыре порции. Собиралась разделить их на два котла. На дощечке получилось на четыре больше. Спросила, могли ли поставить чашки про запас. Суми показала обратную сторону дощечки. Запас, если его просили, считали отдельно. На обороте насечек не было.

Спросила, можно ли перерисовать счёт. Суми освободила край верстака и придерживала доску, пока переносила насечки на бумагу. Мелкие отметила по одной и подписала внизу, что это счёт праздничных чашек. Суми сверила крайний ряд и забрала дощечку.

— В тот дом её не несите, — сказала она. — Берите копию.

Суми задвинула дощечку за стопку и отдала мне выбранную чашку. Если Лиора захочет осмотреть дом снаружи, Суми покажет, как подойти со двора. Заходить внутрь она не собиралась.

Лиора ждала у кухни. Кэн стоял чуть в стороне и разговаривал со старостой. Достала из ящика баночку и передала Лиоре вместе с копией. Пересказала, что Крум узнал в подливе. Сняла с полки список старосты и показала, откуда взялись двадцать четыре человека. Потом открыла тетрадь на утренней записи. Лиора прочла, куда Суми поставила чашку, и спросила, называла ли она кого-нибудь. Имени не было. Суми сказала только, что ей не хватает человека за столом. Лиора сложила копию и пошла к Тэю договариваться о проверке. Кэн заглянул под навес за корзиной с Крумом.

Когда они уходили в нижние дома, Линь сняла готовый котелок, а Бо попросил придвинуть к окну ещё один табурет. На прежнем едва помещались две миски. Придвинула табурет и открыла тетрадь на том месте, где утром записала испорченный рис. Строку оставила как есть. Ниже записала, сколько порций осталось к вечеру. Бо заглянул через плечо и напомнил, что одну миску уже отложили для Суми. Поправила семёрку на шестёрку и спросила, хватит ли до следующего котла.

Глава 4. Дом с закрытыми ставнями

Лиора

К запертому дому Суми повела нас со двора. С этой стороны к стене можно было подойти, не поднимаясь на крыльцо. Тэй шёл следом и у самого жёлоба напомнил, о чём договорились. Снаружи смотрим сколько нужно. Архивную часть не вскрываем. Ключ он принёс, но держал при себе.

Нара догнала нас у стены. На кухне ей сказали, куда мы пошли. Вчера вечером Кэн послал ей записку через станцию. Она как раз работала на перевалочном дворе и добралась до Лушаня после обеда. Попросила Кэна дать ей прочесть вчерашнюю запись про голос. Нара дочитала, вернула ему книжку и спросила у Суми, бывает ли здесь ещё кто-нибудь. Суми сказала, что за посудой теперь ходят редко. Жить в доме, по её словам, давно никто не живёт. Хотелось услышать это от человека, который сам недавно открывал дверь. Суми за ключом к Тэю не ходила уже несколько лет.

Под стеной по жёлобу текла вода. Там, где жёлоб разошёлся на стыке, капли попадали на нижнюю доску. Сняла с камня немного воды чистой ложкой и понюхала. Почти никакого запаха. А когда промокнула платком доску, на ткани осталась сладость. Поначалу решила, что дело в старой смоле. Потом узнала запах, который держался на ложке после лушаньского риса. Достала баночку с подливой, которую Юнь передала у кухни. Приподняла крышку, сравнила и снова закрыла. Приторность была знакомая, но что именно въелось в дерево, по запаху не скажешь.

Кэн уже стоял у окна, под которым вчера остановился с фонарём. За ставнями негромко заговорил мужчина.

— Соли не хватает. Подай, пожалуйста.

Последнее слово он произнёс чуть громче. Так просят за столом, когда с первого раза не расслышали. Окликнула его. Суми переступила с ноги на ногу. Тэй смотрел на дверную ручку. Кэн отступил на полшага и начал считать, почти не шевеля губами. Примерно через полминуты голос снова попросил соли. Мужчина набрал воздуха там же, где прежде, и так же поднял голос на последнем слове. Кэн попросил подождать ещё. В третий раз промежуток вышел такой же.

На нижней планке ставни виднелась костяная вставка величиной с ноготь. Вчера под фонарём её можно было принять за заплату на трещине. Теперь Кэн показал, как она светлеет, едва начинается голос, и темнеет, когда он умолкает. На станциях такими метками отмечали место, откуда звучит оставленная запись. Кэн слышал через них объявления о проезде. Тэй подтвердил, что вставка архивная, и попросил оставить её в покое.

Под окном ещё раз послушала тишину после просьбы. За эти полминуты можно успеть встать из-за стола, найти солонку и вернуться. Голос возобновлялся, даже когда мы молчали. От окна отошла первой. Поймала себя на том, что всё ещё жду звона посуды из-за ставни. У крыльца голос был слышен хуже, зато Нара звала посмотреть на дверь.

Она присела у порога и показала на наружный засов. Железная полоса проходила через обе скобы. Вторая сидела в косяке, и конец засова выступал из неё на два пальца. Там, где полоса чуть выгнулась, под ней виднелось светлое дерево. По обе стороны от железа шла чёрная корка. Пришлось опуститься рядом с Нарой, чтобы увидеть, как край светлой полосы совпадает с краем засова.

— Если засов с тех пор не меняли, во время пожара он был задвинут, — сказала Нара.

Суми осталась на нижней ступени. Держалась за перила и смотрела на порог. Спросила Тэя, давно ли меняли засов. Тот сказал, что после старого бедствия в доме много чего поправили. По его словам, пострадал не один двор. Про засов он не мог сказать наверняка. Нара

уточнила, откуда взялось слово «бедствие». Тэй ответил, что так записано в деревенских бумагах. По ним и надо спрашивать, если нас интересует давний ущерб.

Ещё утром думала, что, если найду человека, который помнит праздничный котёл, можно будет начать с маленькой пробы. Теперь сидела у порога и смотрела на железку, которую изнутри не отодвинешь. Потянулась к ней. Хотелось сдвинуть засов хотя бы на палец и увидеть всю полосу. Тэй шагнул на ступень выше и попросил оставить всё как есть. Нара тоже сказала, что даже небольшой сдвиг может осыпать обгоревший край. Сняла руку с дверной доски.

— Дверь оставим в покое. Дайте снять след снаружи.

Тэй спросил, что для этого нужно. Кэн вынул мерную ленту. Пока он держал её вдоль засова, зарисовала дверь и отметила, где начинается светлая полоса. Нара придержала чистый лист поверх скобы. Прошлась по бумаге боком мягкого карандаша. Лист подняли вместе, чтобы он не соскользнул на обугленное дерево. На нём остались очертания скобы и шляпок гвоздей.

На рисунке сначала продлила светлую полосу до косяка, а потом стёрла лишнее. Из зазора видна была только часть. Если дорисую сейчас остальное, завтра и сама не вспомню, где кончалось то, что видела. Отметила длину видимого участка и приписала, что засов оставили на месте. Суми поднялась на одну ступень и попросила показать лист. Скобу узнала сразу. Когда показала ей полосу, она нагнулась, но с её места под засов всё равно было не заглянуть. Суми вернула рисунок и осталась у перил.

Из-за угла вышел плотник, которого Тэй попросил посмотреть крыльцо. Он снял с камня у жёлоба узкую деревянную планку и хотел отнести к куче дров. Крум заговорил из корзины, которую Кэн поставил под стеной.

— Положи. Это мерка.

Плотник повернул планку и показал мокрый конец. С него сыпалась труха. По его мнению, мерку уже можно было пустить в растопку. Крум попросил повернуть её другой стороной. На ребре обнаружились косые зарубки, дальше дерево было выбрано уступом. Плотник провёл ногтем по краю и сказал, что с такой меркой работать всё равно неудобно. Крум посоветовал ему убрать свою линейку. Если мерки здесь идут на растопку, до неё тоже дойдёт очередь.

Плотник посмотрел на линейку, торчавшую из кармана. Потом присел и положил планку обратно на камень, только подальше от струи. Спросил, что ею мерили. Крум сказал, что для этого надо сперва найти, куда её ставили. Тэй велел плотнику пока не уносить её. Тот подложил под мокрый конец обломок черепицы и пошёл проверять ступени.

Отметила на рисунке и камень у жёлоба. Переложила рисунок и отпечаток чистой бумагой, чтобы не размазался карандаш, и убрала оба листа в книгу. Когда встала, Суми спросила, понадобится ли завтра открывать дверь. Кэн ответил, что сперва хочет узнать, какие вещи числятся за домом. Список, если повезёт, можно будет прочесть с крыльца.

У Тэя во дворе под навесом ещё стоял стол, за которым вчера нас принимали. На полке над ним темнела архивная чаша. Тэй снял её и показал строку, которую Кэн переписал в дорожную книжку. «Прибытие группы». Рядом стояло название «Тёплая слива». Спросила, почему не записали наши имена. Тэй объяснил, что приезжих от одного очага обычно вносят вместе, чтобы связать работу и ночлег. Если нужны имена для расчёта, их записывают на бумаге. Кэн выложил на стол вчерашний договор. Подпись Тэя стояла на листе. В чашу он внёс нас сам, даже не спросив, кто из «Тёплой сливы» приехал.

Кэн спросил, можно ли через общий инвентарь посмотреть, что хранится в запертом доме. Если в списке есть котёл или праздничная посуда, будет с чем сверить рецепт. Ради этого не требовалось слушать семейный разговор целиком. Тэй ответил, что каталог у дома есть. Список откроется на месте. Здесь чаша могла показать, какое действие предстоит подтвердить.

Нара поставила перед Тэем условие. Сегодня он покажет только запрос. Мы посмотрим на него со своих мест, и больше никто к чаше не притронется. Тэй прижал палец к внешней

метке, как вчера, и подождал, пока на дне сменятся строки. Кэн подсказал, где выбрать каталог предметов. Тэй коснулся края чаши. Название запроса стало светлее. Под ним появилось предупреждение «При чтении выполняется сверка связей».

Спросила, что с чем сверяют. Тэй сказал, что некоторые вещи в старых списках были заведены дважды. Если посуду переносили из дома на общий двор, за ней могли остаться обе отметки. Тогда по каталогу выходило, что одна и та же миска стоит в двух местах. Кэн прочитал предупреждение ещё раз. В нём не говорилось, что именно чаша берёт для сверки. Он предложил остановиться, если каталог попросит открыть что-либо кроме предметов. Нара добавила, что одного такого запроса достаточно. Разбираться, почему он возник, будем после остановки.

Ей нужно было услышать каждого. Суми согласилась быть рядом и сказать, если узнает посуду по описанию. К чаше прикасаться ей не хотелось. Тэй согласился присутствовать при чтении, если до него дойдёт. Вскрывать архивную часть он всё равно не позволит. Кэн согласился читать только каталог. Нара спросила меня отдельно. Хотелось ответить сразу, чтобы не держать всех у стола. Вместо этого спросила, кто сможет остановить чтение, если Кэн не успеет убрать руку.

— Смогу, — сказала Нара. — Но он должен знать, когда вмешаюсь.

Кэн предложил простое слово. Услышав «стой» от любого из нас, он отнимет ладонь. Нара закроет чтение, если он не отнимет руку или строки продолжат меняться. Она подвинула к Кэну перевёрнутую пустую миску и попросила положить на неё руку. Потом сказала «стой». Кэн отнял ладонь, а Нара придвинула миску к себе. Проверили ещё раз, чтобы утром не тянуться к чаше через его плечо. Хотела усмехнуться, что так и на кухне можно учить поварят обращаться с горячим. Потом заметила, как сильно сжимаю в кармане карандаш. Положила его рядом с договором.

Согласилась на чтение перечня. Если появится запись о человеке или голос начнёт говорить что-то новое, попрошу остановиться. Кэн уточнил, говорю ли о голосе у окна. Договорились оставить знакомую просьбу о соли в покое. Если голос прозвучит из чаши или она предложит открыть воспоминание, чтение прервём. Нара записала условия на обычной бумаге. Прочла их вслух, дала Кэну исправить одно слово и спросила Тэя, собирается ли он утром требовать общего подтверждения за всю группу. Он ответил, что каждый может подтвердить своё участие сам. Для чтения к чаше подойдёт только Кэн.

Когда Тэй убрал руку, запрос погас. Книга лежала у меня на коленях. Из-под обложки виднелся угол листа со скобой. Попросила Нару дать мне второй экземпляр условий. Она переписала их, а первый лист убрала в свою сумку. Тэй поставил чашу обратно на полку. Если договоримся читать утром, он сам принесёт её к дому.

Тэй задержал нас у стола. Кухня Юнь ещё работала, и оттуда принесли миску простого риса. Он спросил, нельзя ли завтра поставить рядом с ним хотя бы немного праздничного. Люди, по его словам, уже спрашивали, состоится ли общий ужин. За старым столом всегда хватало хлопот. Если удастся подать знакомое блюдо, гостям будет о чём поговорить, пока остальное уладится.

Поставила перед ним баночку Юнь. Объяснила, что в подливе Крум узнал ту же сладость, что и в присланном рисе. Она остаётся, даже если развести подливу водой. Зачем её так держат, мы пока не знали. Тэй сказал, что подливу варят заранее, иначе в день праздника на всех не управишься. В его словах был смысл. Дома тоже многое готовила с вечера. Только обычно могла сказать, для чего в кастрюле столько сладкого и кто его туда положил.

Староста подвинул миску ко мне и спросил, можно ли сварить рис сильнее, чтобы люди вспомнили старый вкус. Уговорить каждого попробовать по ложке он сумеет. Если понадобится ещё день, заплатит. Вспомнила запись Юнь про четвёртую чашку. Суми поставила её к пустому месту. Ни одного имени в тетради не было. Если подать ей рис с обещанием, что

она вспомнит, рядом с чашкой легко появится первое имя, которое подскажет сосед. И потом поди разбери, откуда оно взялось.

— Сильное блюдо готовить рано. Сначала посмотрим, что осталось в доме. Если нужен ужин, Юнь скажет, что может подать из обычных запасов.

Тэй повертел миску. Спросил, устроит ли нас, если в списке окажется один старый котёл и больше ничего. Кэн сказал, что тогда запишем котёл и на этом закончим. Староста посмотрел на Суми. Та согласилась показать нам дорогу со двора, как сегодня. Ключ останется у Тэя. Наконец он назначил час после утренней раздачи и разрешил открыть каталог у двери. Просил только сказать ему сразу, если среди вещей окажется то, что нужно для праздника. Нара отметила время на обоих листах.

С крыльца уже было видно окно кухни. Юнь стояла у него боком и слушала Бо. Он показывал на котёл, а она держала карандаш и ждала, пока он закончит. К вечеру у неё наверняка нашлась бы работа для ещё одной пары рук, но сегодня она уже сама распорядилась, кому остаться у печи. Спросила, нужно ли что-нибудь принести из гостевого дома. Юнь попросила только передать Суми, что чашку вымыли и поставили отдельно. Утром она сама её занесёт.

На обратном пути ремень книги сполз с плеча. Стала поправлять его на ходу, прижала книгу к боку, и баночка в кармане стукнула о переплёт. Кэн остановился и подставил ладонь под книгу. Пока снимал ремень с моего плеча, коснулась его запястья. Он подождал, пока уберу руку, и только тогда перекинул ремень через плечо. Книгу он нёс до самого гостевого дома. У двери придержал её коленом, пока доставала ключ.

В комнате вынули рисунок и отпечаток. Кэн расправил на столе загнувшийся край, а я убрала баночку на полку. Прижала оба листа книгой, чтобы за ночь расправились. Кэн оставил сверху свою дорожную книжку, раскрытую на вчерашней просьбе о соли. Рядом положила лист Нары. С него и начнём утром.

Глава 5. Общий инвентарь

Кэн

Лист Нары пришлось прижать к ступени сумкой. У старого дома ветер шёл вдоль стены и поднимал бумагу даже под локтем. Нара ещё раз прочла, на что мы согласились. Открываем перечень вещей. Если чаша выдаст имя человека или предложит посмотреть воспоминание, останавливаемся. Тэй выслушал и поставил чёрную чашу на широкую верхнюю ступень. До засова от неё можно было дотянуться рукой, но дверь трогать не требовалось.

Суми встала сбоку от крыльца. Юнь принесла ей вымытую чашку и осталась у перил. Спросил, успела ли она поесть после раздачи. Успела, ответила Юнь, и теперь хотела дождаться, когда освободится Суми. Нара попросила обеих оставаться на нижней ступени. Слово «стой» оттуда будет слышно.

К договору за кухню хотелось приложить ещё один лист, уже с ответом на лушаньский запрос. Сверил номер в дорожной книжке с номером на копии рецепта. Если котёл и праздничные чашки числятся за домом, будет смысл просить разрешения их осмотреть. Если в списке одна мебель, закроем запрос и сходим к возчикам. Оставаться ещё на ночь стоило, когда станет ясно, ради чего. Лиора попросила сначала найти котёл. Сколько в нём помещалось риса, она собиралась прикинуть даже по одному описанию.

Лиора наклонилась забрать лист из-под сумки. Пока расправляла сгиб, придержала меня за запястье. Рука у неё была прохладная. Подумал, что она опять вышла без рукавиц, и хотел отдать свои. Лиора убрала руку раньше, чем успел полезть в карман. Тэй приложил печать к метке на ободе, и на дне чаши проступила вчерашняя строка о сверке связей.

Нара встала справа, как мы договорились. Тэй убрал печать. В чаше оставалось одно доступное действие — чтение каталога предметов. Положил ладонь на край и подтвердил. Первым показался медный котёл. Рядом стоял номер, а место хранения значилось прежнее, без названия дома. Ниже появилась полка для посуды. Подождал, пока проявится следующая строка. Если повезёт, найдётся и что-нибудь с пометкой праздничного стола.

Появилась дорожная сумка. Сначала решил, что тоже старая, из запертого дома. Потом прочёл имя владельца и отметку о домашнем очаге. «Кэн Раю. Тёплая слива». Моя сумка стояла тут же, ремешок свешивался со ступени. В деревенское хранилище её никто не вносил. Успел сказать, что это моя сумка. Строка сдвинулась выше, а на её месте появилось «Недавние связи переданы в служебную очередь».

— Стой, — сказала Нара.

Рванул руку на себя. Пальцы разогнулись, а ладонь ещё лежала на ободе. На мгновение она стала тяжелее всей чаши. Нара взялась за чашу сбоку и сдвинула её так же, как вчера сдвигала пустую миску. По дну пробежала тёмная полоса. Бегущие строки погасли. Рука отлетела к груди. Задел локтем перила, рукав дёрнуло, и ноги подогнулись.

Сидел на ступени и не понимал, почему меня держат за запястье. Смотрел на чужие пальцы и ждал, что женщина объяснит, чего хочет. Узнал Лиору, повариху из Камышовых Ворот. Помнил её харчевню и лунный жетон, который оказался в супе с перцем. Пальцы на запястье ни с чем знакомым не связывались.

— Зачем вы меня держите?

Лиора отпустила сразу. Сказала, что хотела помочь подняться. Нара велела пока посидеть и спросила, где болит. Её голос узнал ещё до того, как поднял голову. Нара Иль, та самая, что могла выслушать человека до конца, даже если он с первых слов нёс чепуху. За её плечом стоял мужчина с печатью в руке. Лицо было чужое. Спросил, кто он и где мы. Мужчина назвался Тэем Сором, старостой Лушаня. Лушань ничего мне не говорил.

Юнь стояла у перил. Узнал её по голосу, когда она попросила Суми отойти и дать мне воздуха. Помнил её с посыльной сумкой, а теперь она держала на сгибе локтя передник и говорила так, будто привыкла распоряжаться у печи. Суми не знал. Она принесла воды и поставила кружку на ступень рядом. Взял кружку так резко, что вода плеснула на пальцы. Перед вторым глотком упёр локоть в колено, и рука перестала дрожать.

Нара попросила сказать, что случилось прямо перед тем, как сел. Помнил, как локоть встретился с перилами. На дереве торчала старая шляпка гвоздя, и рукав за неё зацепился. Помнил пальцы Лиоры, которые она убрала по первой просьбе. До удара о перила ничего не находилось. Поднял глаза на закрытую дверь и спросил, кого мы здесь ждали. Нара ответила, что пришли читать список вещей. Попросила Тэя оставить чашу у стены и не трогать её.

Было неприятно, что за простым ответом всё время приходится обращаться к другому человеку. Хотелось хотя бы сойти с крыльца самому. Нара проверила, крепко ли держатся перила, и отступила. Поставил обе ноги на нижнюю ступень. Дерево под левой подошвой было стёрто сильнее. Запомнил это с таким старанием, словно потом предстояло доказать, что вообще здесь стоял.

У ступени заметил свою сумку. Узнал её по левой пряжке. Когда менял пряжку, пришлось проколоть кожу в двух местах, потому что со старого отверстия ремешок сползал. Теперь на месте проколов белел шов. Руки, однако, знали, как сжать пряжку снизу, чтобы высвободить язычок. Нашёл в кармане складной нож и раскрыл его большим пальцем. Нара спросила, зачем нож. Хотел проверить, не перепутал ли, как откинуть лезвие. Сложил обратно и убрал туда же. Пальцы справились быстрее, чем успел о них подумать.

На дне кармана лежала сложенная бумажка с дорожными расходами. Узнал свой почерк. Три места по две монеты. Ниже одна монета за ящик, по цене мешка. Семь всего. Проверил, не забыли ли плату за переправу. Рядом с ценой проезда стояло «с переправой». Груз, судя по сумме, вёз человек, которому всё равно было по пути. Даже захотелось спросить, удалось ли потом сторговаться на обратную дорогу. Удержался от вопроса. Сначала стоило понять, чьи три места оплатили.

По привычке вызвал свою отметку. Строка отозвалась сразу. «Кэн Раю. Дегустатор». В торговых делах до сих пор мог бы объяснить, какую приправу разбавили и сколько стоит недовес. Только откуда у меня в кармане чужая поездка, отметка не сообщала. Спросил Нару, она ли принесла сумку к дому. Нара сказала, что сумку принёс сам и поставил у ступени. Лиора держала лист, сложенный пополам. Когда взглянул на неё, она положила его между нами. Можно было взять самому.

Сел на нижнюю ступень. Тут было достаточно места, чтобы раскрыть сумку на коленях. Лиора чуть подалась ко мне, но руки оставила на книге. Стало неловко, как бывает, когда человек не знает, может ли ещё делать для тебя то, что делал минуту назад. Хотелось спросить, о чём речь. Вместо этого попросил назвать сегодняшнее число.

Нара назвала день и месяц. Переспросил месяц. Она повторила тем же голосом. В последний день, который мог вспомнить от утра до вечера, ещё собирались выходить из Камышовых Ворот. Помнил, как укладывал дорожные припасы и спорил, на сколько хватит денег. От той недели до названного числа прошло несколько месяцев. Могло быть, Нара просто оговорилась. Достал бумаги из сумки. В дороге держал письма в боковом кармане и клал свежие сверху. Карандаш нашёл в узкой петле под клапаном. Всё было там, где и должно было быть. От этого легче не стало. Если бы вещи лежали в чужом порядке, можно было бы решить, что просто перепутал сумки.

Сверху лежало письмо от заказчика западного рейса. В нём обещали полную надбавку, если подтвердить поездку до полудня в указанный день. По дате, которую назвала Нара, этот срок уже прошёл. В черновике моего ответа стояла другая дата. Рядом зачеркнули половину надбавки. Почерк был свой. Когда спешил, перечёркивал цифры снизу вверх, чтобы не разма-

зать соседнюю строку. Здесь сделал так же. За поездку хотелось поторговаться ещё до того, как дочитал условия. Никогда бы не подумал, что уже успел перенести решение.

Под письмом нашлась копия рецепта, которую сверял Кэн Раю. Пустую строку для имени оставил как есть, а свою подпись поставил ниже. Всё правильно. Напиши своё имя в свободной строке, и повар потом будет выяснять, какое отношение купец имеет к чужому празднику. Сложил лист и снова раскрыл. Мог проследить каждое движение пера. Увидеть, где при этом сидел, так и не удалось. Лиора сказала, что помнит, как сушили чернила, прежде чем убрать лист в карман. При слове «карман» вспомнил, как носил бумаги в промасленной ткани, чтобы не залить на переправе. Только то было гораздо раньше. Где сушили этот лист, всё равно не вспомнил.

Лиора тихо спросила, могу ли прочесть дату на её листе. Тэй в ту же минуту начал рассказывать, как мы вчера договаривались, а Суми сказала, что пришли сюда вместе. Слова налезали друг на друга. Пришлось поднять руку. На рукаве у локтя была свежая затяжка. Показал её Наре, потому что про неё мог сказать, откуда взялась.

— По одному, пожалуйста. Дату на бумаге вижу. Как пришёл сюда, пусть расскажет тот, кто шёл рядом.

Лиора сказала, что мы пришли из гостевого дома после утренней раздачи. Она несла лист Нары, сумку нёс я. Остальные могли добавить, где нас встретили. Попросил пока обойтись без этого. Вслух повторил, что дорогу до крыльца знаю с её слов. Нара кивнула и спросила, что помню с той минуты, как очутился на ступени. Мог повторить, что она сказала про чашу. Помнил стёртую доску под ногой и затяжку на рукаве. Захотелось узнать, получится ли то же самое через несколько минут.

Записал в дорожной книжке число, которое назвала Нара, и рядом поставил три точки углом. Закрыл книжку и положил под ладонь. Суми сходила в соседний двор за кувшином. Пока её ждали, разглядывал поясной ремень. У пряжки изнутри стёрлась кожа, и старый надрез, который помнил острым, сгладился. Провёл по нему ногтем. За один переход так не вытрешь. Надел ремень обратно. Когда Суми вернулась, помнил, где поставил точки и как они расположены. Открыл книжку. Все три были на месте.

На соседней странице была запись об одной смене кухни. Спросил, кого наняли читать список. Лиора показала бумагу Нары. Согласие давал сам. К этому времени уже понял, что приехал вместе с ними. Захотелось определить хотя бы, из чьих денег платят за чтение.

— Кухню оплатят по договору. За чашу с кого счёт?

Тэй сказал, что за чтение отдельного счёта не будет. Спросил, нельзя ли завести его теперь, раз работа уже сделана. Староста посмотрел на Нару, а потом на чашу. Списка у нас нет, напомнил он. Будь на его месте, тоже попросил бы вернуть аванс. Лиора сказала, что за кухню успел выторговать плату, даже если рис останется в мешке. За чашу такого условия в договоре не было. Отложил бумагу. Хоть в одном деле поступил так, как поступил бы сегодня.

Потом увидел среди дорожных расходов плату за ночлег. За обе комнаты рассчитался сам. Комнат было две, мест в обозе три. Хотел спросить, кто собирался вернуть свою долю, но Лиора села рядом, оставив между нами достаточно места для сумки. Спросила, можно ли ей рассказать про нас. Кивнул, хотя всё ещё думал о двух комнатах.

— Мы жили вместе, в «Тёплой сливе». И были близки.

При слове «вместе» сперва представил комнату для постояльцев. Там удобно держать товары под рукой и спускаться к открытию, если договорился с хозяйкой о плате. Попробовал представить свои сапоги рядом с её сапогами и понял, что могу поставить их только мысленно, куда захочу. У настоящих вещей наверняка давно было своё место. Лиора его знала. На ремешке её книги торчала нитка. Смотрел на неё, пока не смог снова поднять глаза.

Лиора спросила, хочу ли ещё что-нибудь узнать сейчас. Первым пришёл в голову вопрос, как давно. За ним другой, на который она вряд ли сумела бы ответить за обоих. Хотелось,

чтобы хотя бы один из них вышел простым. Попросил пока сказать, что именно согласился делать здесь, у дома.

Она развернула лист Нары. Ответила, что согласие было на чтение перечня вещей у этой двери. Открывать дом и смотреть чьи-либо воспоминания не договаривались. Остановить чтение мог любой, а если не успею убрать руку, это сделает Нара. Лиора показала слово, которое вписали отдельно. «Стой». Его предложил сам, сказала она. Как Нара произнесла его у чаши, не помнил. Помнил боль в локте и то, как Лиора убрала пальцы с запястья, когда попросил.

Нара позвала посмотреть на чашу. Тэй стоял рядом, печать оставалась у него в руке. Поднялся на одну ступень и прочёл, не наклоняясь над чашей. На дне горела одна строка. «Личная ветвь Кэна Раю. Приостановлена». Нара сказала, что надпись появилась после остановки. С тех пор к чаше больше никто не прикасался. Посмотрел на свою руку. На ладони поперёк складок лежала красная дуга. Провёл по ней большим пальцем. Кожа саднила, а какой на ощупь был край чаши, вспомнить не получалось.

Тэй спросил, можно ли позже вернуться к перечню. Нара сказала, что сначала нужно понять, на каком месте чтение вышло за пределы списка. Мне хотелось узнать другое. Если строка называет мою ветвь, можно ли открыть её отдельно, не продолжая общую сверку? Нара прочла надпись ещё раз. Из неё пока следовало только, что чтение остановилось. Чтобы узнать остальное, придётся искать другой способ.

Переписал строку в книжку. Лиора осталась на шаг позади и подождала, пока закончу. Сумка стояла у ступени, ремешок свешивался на землю. Поднял её. Лиора спросила, показать ли дорогу до гостевого дома. Сказал, что показать надо. Убрал книжку в сумку и застегнул пряжку. Последнюю строку помнил и с закрытой обложкой.

Глава 6. Отдельная комната

Лиора

В коридоре гостевого дома Кэн остановился перед двумя одинаковыми дверями и подождал, пока покажу нужную. Утром он вышел первым, пока поправляла ремень книги. Теперь переступил порог за мной и поставил сумку на пол у стены. Вчера она лежала на скамье боком, чтобы пряжка не упиралась в стену. Рука уже потянулась переставить сумку. Вместо этого сняла с вешалки свой плащ.

Сказала, что попрошу хозяина дать мне другую комнату. Эта останется за Кэном. Ключ положила на край стола, рядом с его книжкой. Если ему захочется перебраться ближе к выходу, хозяин покажет, какие двери свободны. Кэн посмотрел на кровать, потом на табурет и спросил, где оставить вещи, чтобы утром найти их на том же месте. Показала полку возле окна. Он перенёс туда сумку сам.

Пока он расстёгивал пряжку, достала расходную книжку и мешочек с общими деньгами. На дороге каждый платил за своё место, а за ящик и топливо считали вместе. Показала запись о том, сколько Кэн внёс и сколько из этой суммы ещё не потрачено. Если захочет уехать раньше нас, его остатка хватит на обратный проезд. Свои деньги он носил в сумке. Кэн сверил две строки и попросил пока не выдавать ему остаток. Потом взял сумку с полки и поставил на стол. Ему нужно было самому посмотреть, что в ней лежит. Собрала с подоконника гребень и флягу.

Когда собралась уходить, Кэн спросил, эту ли комнату мы делили вчера. Сказала, что да. Он помолчал, глядя, как складываю ремень книги.

— Когда ты сказала, что мы были близки, речь шла и о постели?

— Да.

Ответ вышел коротким, как хотела. После него всё равно пришлось подождать, прежде чем смогла застегнуть пряжку. Сказала, что у Юнь можно спросить, как мы жили дома, а у Нары — что она видела в дороге. Обе знали нас давно. Если он захочет что-то проверить, пусть говорит с ними по отдельности. Кэн кивнул и потянулся помочь с книгой. Вчера на обратном пути просто снял её с моего плеча. Теперь остановился, едва дотронувшись до ремня. Подхватила книгу сама.

Хозяин нашёл мне комнату в конце коридора. Две прежние комнаты продлила на ночь из общих денег, а за дополнительную заплатила из своего кошелька. Хозяин спросил, не прибавить ли её к счёту Кэна. Тот при въезде рассчитался за всех, и хозяин привык спрашивать у него. Попросила записать новую комнату отдельно, на моё имя. Получила ключ и сказала, что чай можно принести туда.

В комнате поставила книгу на стол и повесила плащ. Принесли чайник и две чашки. Должно быть, на кухне запомнили, что берём две. В одну налила чай. Вторую поставила к дальней стороне стола, где Кэн обычно садился читать, чтобы свет падал на книжку слева. Только тогда заметила, что сделала. Пила стоя у окна, пока чай не остыл, а пустая чашка так и осталась на столе.

К вечеру Юнь сварила обычный рис с овощами. Поставила под крышку миску для Суми, чтобы та опять не ушла к себе голодной. Спросила, позвать ли Кэна. Попросила передать, что ужин готов и можно поесть у себя. Он пришёл сам, принёс дорожную книжку и выбрал место у торца. Там можно было отодвинуться от стола, не прося соседа встать. Села напротив. Юнь поставила между нами блюдо и пошла узнать, сколько хлеба осталось на утро.

Когда во дворе хлопнула дверь, Кэн отложил ложку и подождал, пока голоса стихнут. Потом открыл книжку и спросил, не договорились ли мы сегодня идти ещё куда-нибудь. На странице был номер запроса, а последней он записал строку про личную ветвь. Сказала, что

на сегодня у дома больше ничего не назначали. Оставался разговор про западный рейс. Три дня назад он написал заказчику, что даст ответ сегодня.

Кэн помнил письмо, которое прочёл у крыльца. Спросил, были ли уже приняты обязательства. Ответила, что торговый договор он ещё не подписал. Вечером мы собирались поговорить о дороге и о том, когда его ждать дома. На слове «дома» чуть не прибавила, что оставлю свет. Он и так перестал есть. Подождала, пока спросит сам.

Кэн попросил лист бумаги. Написал заказчику, что сегодня подтверждения не даст, и попросил ещё несколько дней, если место свободно. Сложил письмо и убрал за обложку книжки. Дорогу до станции собирался узнать у хозяина. Потом сказал, что останется в Лушане, пока есть возможность найти свою ветвь. На кухне может посчитать расход и сверить цены. Если понадобится снова идти к чаше, сперва хочет услышать, что именно собираются делать. Если решит уйти или ему понадобится отлучиться надолго, предупредит, чтобы мы знали, где его искать.

Хотелось спросить, значит ли это, что он помнит наши правила. Кэн сам объяснил, почему об уходе скажет заранее. Утром ему пришлось спрашивать дорогу до дома, в котором ночевал. Если опять понадобится помощь, лучше, чтобы хоть один человек знал, куда он пошёл. Спросила, кому скажет, если меня не будет на месте. Кэн подумал и выбрал Юнь. Пока работает кухня, он знает, где её искать.

Кэн заметил, что держу чашку обеими руками, хотя давно из неё не пью. Подался вперёд и спросил, не лучше ли ему сесть рядом. Вопрос был осторожный, как у человека, который хочет помочь и перебирает, что ещё можно сделать. На месте рядом со мной с утра так никто и не сидел. Отодвинуть для него скамью было бы проще всего.

— Если тебе удобнее там, оставайся. Не надо садиться рядом только ради меня.

Он убрал ладонь с края стола. Сказал, что пока ему действительно удобнее напротив. Спросил, хочу ли, чтобы тогда он унёс ужин к себе.

— Мне тяжело. Но поесть вместе всё равно хочется.

Кэн кивнул и придвинул ко мне блюдо. Взяла ещё немного овощей. Он тоже вернулся к ужину, и какое-то время за столом было слышно только, как Юнь у печи снимает крышки с кастрюль.

Пи-па объявился, когда собирала тарелки. Сел на подоконник и сообщил, что добрался с почтовой телегой. Возчик высадил его у станции, а хозяин гостевого дома успел сказать, что Кэн теперь один в комнате. Фазан собирался занять освободившееся место, раз за него уже заплатили. Посоветовала сперва спросить у Кэна. Хозяин за второго постояльца всё равно возьмёт деньги, даже если тот способен спать на спинке стула. Пи-па подумал и уточнил, входит ли в плату завтрак. Услышав, что это отдельный вопрос, решил пока осмотреть кухню.

Кэн убрал с прохода скамью, которую отодвинул, когда садился. Подошла бы помочь ему унести посуду, но он уже знал, где стоит таз. Свою чашку оставил на столе рядом с книжкой. Моя стояла на другом конце. Поставила чайник между ними и спросила, подлить ли. Он согласился.

Тэй пришёл, когда чайник ещё был тёплый. Снял с плеча сумку и достал сложенную вдвое форму. После того, что случилось у дома, объяснил он, у чаши осталась незаконченная работа. Её можно завершить общей сверкой. Тогда Кэн получит то, что уже собрано, и ему не придётся выяснять по одному, где ночевал и за что платил. Тэй придвинул форму к нему. Сделать всё можно сегодня, если согласны. Заметила, что жду, когда Кэн обернётся ко мне, прежде чем ответить. Он поставил чашку на стол и придвинул лампу. Ему нужен был свет, чтобы прочесть лист.

Вверху стоял номер того же запроса, который был на рецепте. Ниже предлагали завершить сверку группы и принять общую версию. Было место для даты и для печати. Около имени Кэна стояло слово «получатель». Спросила, где он укажет, какие воспоминания хочет открыть.

Тэй ответил, что от него требуется согласие на приём. Готовая подборка уже есть, и заново собирать её не нужно. Он перевернул лист. На обороте, рядом со старым оттиском, стояла строка «Общий держатель — печать старосты».

— Кто выбирает, что ему вернуть?

Тэй положил палец рядом с оттиском. Выбор, сказал он, делается по общим записям, которые хранит деревня. Печать подтверждает, что сверка закончена. Если записи расходятся, в подборку входит то, что удаётся согласовать. У Кэна спрашивают, готов ли принять результат. Показывать каждую часть заранее чаша не обязана.

Посмотрела на Кэна. Он дочитал до нижнего сгиба и вернулся к строке про получателя. Хотелось самой указать ему на оттиск. Рука уже лежала на бумаге. Убрала её. Подумала, как было бы легко согласиться хотя бы на один знакомый вечер. Сошёл бы и тот, когда за ужином спорили о рейсе, а потом допивали чай. Даже спор подошёл бы, если после него Кэн снова перестанет спрашивать, можно ли сесть рядом.

Тэй вынул печать и положил на стол. Сказал, что после приёма у каждого останется свой взгляд на вещи. Ему нужно только, чтобы одна и та же запись больше не вела в разные стороны. Спросила, кто в таком случае решит, какую сторону оставить. Тэй снова указал на оттиск. На форме по-прежнему было одно место для печати. Имя Кэна стояло там, где расписывается получатель.

— От очага согласия не дам.

Тэй убрал палец с формы. Сказал, что Кэн может дать согласие сам. Тут Нара, которая слушала у двери, подошла к столу и напомнила, что сверку начали с групповой записи. Чтобы завершать её от имени всей группы, нужно отдельное согласие каждого. Она попросила Тэя пока не ставить печать. Тот убрал её в карман. Кэн попросил оставить лист.

Он дочитал мелкие слова у нижнего сгиба и спросил, что такое временный общий допуск. Тэй объяснил, что, пока личная ветвь приостановлена, Кэн может принять готовую подборку через общий доступ. Для этого не нужно сначала находить свою ветвь. Допуск выдан ему лично. Достаточно открыть предложение в чаше и подтвердить, что берёт подборку целиком. Кэн спросил, узнает ли он перед подтверждением, чего в ней нет. Староста ответил, что заранее можно увидеть название, а саму подборку откроют после согласия.

Кэн не сразу поднял глаза. Спросил, сколько занимает приём. Тэй сказал, что обычно укладываются, пока остывает чашка чая. Кэн взял свою и подержал за ободок. Чай в ней, наверное, уже был холодный. Потом он попросил копию формы с обеих сторон, включая строку про допуск. Подписывать сейчас ничего не собирался. Хотелось услышать от него, что не подпишет и потом. Подала чистый лист. Он взял его и сам посмотрел, хватит ли места для всех строк.

Нара предложила переписать текст при Тэе. Тот согласился и дождался, пока Кэн сверит оборот. Внизу Кэн добавил от руки, что форму только прочёл. Тэй забрал подлинник. Уже у выхода спросил, считать ли, что на сегодня вопрос закрыт. Кэн сказал, что на сегодня да, и сложил копию. Оставил её рядом с письмом заказчику. По форме было видно, к кому идти, если он передумает.

Когда Тэй ушёл, Юнь принесла бутыль, которую наполнили у колодца в первый вечер. Пробку с тех пор не вынимали. Крум попросил поставить его поближе к печи и плеснуть воды на чистое дно ступки. Пока капли растекались по камню, налила немного в ложку и попробовала. Вода была мягкая, с лёгким привкусом камня. Сладости в ней не чувствовалось. По просьбе Крума растёрла в ступке несколько сухих зёрен из мешочка. Промыла их той же водой. В последней промывке сладость едва различалась.

Подогрела промытый рис с несколькими каплями чистой воды. Запах вышел тот же, что дома в первой кастрюле, хотя теперь груши рядом не было. Дождалась, пока ложка остынет, и попробовала. Сладость вернулась. Крум велел оставить часть риса на блюдце и прогреть

остальное ещё раз. У холодной пробы вкус был слабее. Из бутыли взяли всего несколько ложек. Закрыла её, а Юнь поставила отдельно от воды для отвара.

Крум сказал, что встречал такой способ у поваров, которые оставляли первую варку в архиве. По её записи потом готовили снова. Сладость можно смыть, но при нагреве она проступает опять. Если хотим понять, что держит этот вкус, придётся найти ветвь, к которой привязали рецепт. Исходные записи таких блюд хранили в Мэйре. Где искать именно нашу, Крум сказать не мог. Для начала нужно было узнать, кто варил первый рис и для какого стола.

Пока мыла ложку, Нара сказала, что договорилась с Тэем насчёт чаши. Утром её убрали с крыльца во двор старосты. Теперь Нара хотела закрыть обод, чтобы к нему нельзя было приложить ладонь. Пошла с ней. Тэй вынес чашу под навес, придерживая снизу через ткань. Нара накрыла её плотной крышкой, перетянула шнуром и поставила печать на узел. Тэй попросил оставить ему возможность прочесть надпись. Нара предложила открывать чашу при обоих и только по уговору. Тэй поставил свой оттиск рядом. Потом взял чашу под дно и убрал на полку.

В деревенской книге остался открытый запрос по старому дому. Попросила показать страницу. Возле номера пустовало место для имени хозяина. Тэй предложил пока вписать деревню, чтобы запрос не затерялся. Попросила оставить строку пустой. Если найдём старую бумагу с именем, рядом с ней пригодится и та, где его не оказалось. Завтра можно начать с бумаг, которых чаша не касалась. У Суми есть старая дощечка, у нас её копия и рисунок двери. Если сохранился счёт за чашки или прежний список домов, будет у кого спросить про имя. Попросила Тэя утром принести книгу на кухню. Он согласился.

Кэн ждал у двери кухни. Сказал, что отнёс письмо на станцию. Хозяин гостевого дома объяснил ему, как туда пройти. Потом спросил, есть ли у меня дорожный журнал. Не та книжка, в которой он сам писал цены, а моя, с записями о том, куда мы ездили и где останавливались. Хотел посмотреть утром. Сначала сам выберет даты. Потом, если понадобится, спросит у Юнь или Нары, что они помнят. Сказала, что принесу журнал к завтраку. Он уточнил, можно ли будет оставить его у себя на час. Согласилась.

В своей комнате открыла журнал. Первыми попались страницы о возвращении домой. Рука сама задержалась там, где было записано, что к ужину успели оба. Хотелось вложить полоску бумаги, чтобы Кэн утром нашёл это место. Закрыла журнал. Вторую чашку убрала на поднос у двери. На её место положила журнал и ключ.

Часть II. Запертая комната

Глава 7. Две истории моей жизни

Кэн

Лиора принесла журнал к завтраку и положила на стол закрытым. Сказала, что заберёт через час, если мне хватит времени. Пообещал принести на кухню, как только дочитаю. Хотелось сперва самому выбрать, с чего начать.

Открыл журнал на той неделе, которую ещё помнил. В записи о сборах Лиора отметила, что крупу уложили сверху, чтобы не искать её под дождём. Помнил, как спорил из-за этого. На дне мешка крупа осталась бы сухой. В конце концов перевязали её отдельно. На следующей странице был ночлег, которого уже не мог вспомнить. Перелистнул дальше и выбрал две даты, где на полях стояли суммы. Тут хотя бы знал, что проверять.

Между листами лежал сложенный счёт за муку. Первую половину внесли при заказе. Рядом с остатком Лиора записала, что поставщик согласился подождать до конца недели, потому что платёж взял на себя Кэн. Ниже лежали ещё две квитанции. За мешки и за доставку уже рассчитались. В обоих случаях платил сам, хотя заказ был записан на харчевню.

Лиора поставила передо мной хлеб и заметила, что смотрю на счёт. Объяснила, что поставщик привёз последнюю муку, когда зал ещё ремонтировали. Остаток следовало послать через станцию. Его держали в расходах отдельной строкой, пока не придёт отметка о выплате. Спросил, обещал ли покрыть его из общей кассы. Лиора указала на запись под итогом. Там стояло «Из личных денег» и моя подпись.

Достал дорожную книжку и отыскал старую расписку за перевозку пряностей, подписанную ещё до того, как попал в «Тёплую сливу». Положил обе бумаги рядом. В подписи на счёте последняя черта уходила под фамилию и обрывалась у края. На старой расписке делал так же, только места было больше. Сверил номер поставки со строкой в журнале. И сумма, и номер сошлись. Хотелось ещё спросить, зачем взял на себя плату за муку. Для платежа этого знать не требовалось.

Вынул из сумки деньги, отсчитал остаток и добавил монету за пересылку. Хозяин гостевого дома как раз собирал письма к утренней почте. Передал ему запечатанный свёрток и подписанное распоряжение. Пусть станционный писарь отправит деньги по номеру счёта, а отметку о выплате вернёт на моё имя. Хозяин записал, что принял свёрток, и отдал мне корешок. Убрал его в книжку. Общий мешочек так и остался у Лиоры.

У окна уже стоял Пи-па. Он услышал про муку и объявил, что может свидетельствовать о моей щедрости лучше любого поставщика. Сначала назвал две порции лапши, потом кусок пирога, а под конец припомнил миску, которую ему однажды разрешили выскрести до дна. Всё это, по его словам, было выдано с моего одобрения. Спросил, есть ли в списке хоть один обед, за который он платил сам. Пи-па обиделся. Платные обеды он для свидетельства не считал. Сказал, что про его обеды теперь знаю достаточно, и вернулся к счёту. Оставил в журнале номер отправления, чтобы Лиора не заплатила второй раз.

Юнь нашёл на кухне, когда она снимала первый котёл и освобождала место для следующего. Попросил поговорить, как только освободятся руки. Она отправила Бо за водой, а сама села со мной у окна. До раздачи оставалось несколько минут. Спросил, когда она впервые решила, что из харчевни уже не собираюсь уезжать. Юнь поморщилась. По её словам, никогда так не решала. Уезжал часто. Просто в какой-то момент она перестала спрашивать Лиору, надо ли держать для меня комнату.

Юнь вспомнила, как после возвращения с рынка понадобилось перевесить полку в кладовой. Лиора велела пока ничего не трогать. К вечеру Юнь надоело доставать муку снизу, и она попросила помочь. Полку мы перевесили вдвоём. Потом оказалось, что над ней не помещаются мои весы. Юнь сказала, что ждала, когда опять заберу их с собой, а весы так и остались у окна. Наутро принёс к ним гири. Ей запомнились гири, потому что одну пришлось отмывать от смолы. Про то, оставался ли тогда из-за Лиоры, она не знала. Ей в тот день нужны были весы и чтобы дали отмерить муку самой.

Спросил, не могла ли Лиора сама предложить остаться, чтобы было кому помочь. Юнь пожала плечами. Могла. Только в первый раз о комнате говорили без неё. Если нужен ответ про тот разговор, придётся спросить Лиору. Бо принёс ведро, и Юнь сразу встала. Напомнила ему, какой котёл нужно наполнить первым, а мне сказала, что с весами и сегодня пригодится помощь, если будет время.

Нара сидела под навесом у гостевого дома и складывала бумаги в сумку. Попросил её рассказать, что было перед моим возвращением с рынка. Про полку Нара ничего не знала. Ей запомнилось, что у ворот стояла телега. Место было оплачено, и возчик ещё ждал. Сесть и уехать можно было без всякого разрешения. Вместо этого ушёл от ворот пешком, обратно к Лиоре. Как мы потом жили, Нара не видела. Слышала только, что решение о дальнейшей работе оставил за Лиорой и дождался ответа.

Спросил, не отменили ли поездку. Нара помнила, как возчик сам позвал меня, когда пора было трогаться. Он даже взялся убрать свой мешок с моего места. Сказал ему ехать. По словам Нары, то были последние слова, которые она слышала от меня у ворот. Остальное случилось уже после того, как телега ушла. Пришлось отдельно отметить для себя, что именно она слышала и что узнала позднее.

Рассказ Юнь до этого казался мне рассказом о человеке, который устроился под крышей и нашёл себе занятие. После слов Нары пришлось снова подумать о телеге. Из таких мест обычно уезжал, пока возчик ещё помнит, сколько ему заплатили. Спросил, был ли тогда связан с Лиорой через систему. Нара сказала, что связь уже отключили. Кто это сделал и как, она предложила спросить у самой Лиоры.

Лиору нашёл у стола с кувшинами. Она привязывала к баночке с подливой полоску бумаги, чтобы её не перепутали с другими. Вернул журнал и спросил про отключённую связь. Лиора поставила баночку на стол и вытерла пальцы о передник. Сэй Торан предложил мне отключить связь и пообещал, что её защитит. Согласился без разговора с ней. Помнил Сэя и мог представить, как он делает предложение, от которого сначала становится легче. Самого разговора в памяти не было.

— Ты вернулся и спросил, можно ли тебе снова работать с нами, — сказала Лиора. — Мне хотелось, чтобы и ты побыл на месте человека, за которого всё решили.

Спросил, когда она дала ответ. Лиора сказала, что тогда пустила обратно к общему делу, а про комнату говорили уже дома. До разрыва связи ей самой часто казалось, что лучше всех знает, как уберечь остальных. Когда попытался уберечь её таким же способом, она разозлилась. Всё это Лиора говорила, держа баночку обеими руками, хотя та уже стояла на столе. Потом отпустила её и добавила, что остаться предложила сама. Согласие дал я. Мог уйти и после этого.

Лиора сняла с крючка книгу с рецептами. Язычок застёжки упёрся в кожу. Она попробовала его освободить и повернула книгу ко мне. На изнанке ремня было видно, что старые отверстия зашили, а новые пробили шилом чуть дальше. Нитку вывели в сторону, чтобы узел не тёрся о металл. Сам так чинил дорожные ремни, когда рассчитывал носить вещь ещё долго.

Попросил дать посмотреть. Лиора положила книгу на стол и отступила, чтобы не заслонять свет. Повернул застёжку. Под язычком уцелела короткая косая царапина от ножа. По ней было понятно, с какой стороны удобнее поддеть ремень. Нажал ногтем, и застёжка открылась.

Лиора сказала, что держала книгу на коленях, пока менял застёжку, и всё норовила повернуть её, чтобы капли воска не попали на раскрытый рецепт. В конце концов книгу поставили на табурет, а свечу отодвинули. Мог прикинуть, сколько кожи вырезал, чтобы не осталось лишнего края. Захотелось подвинуть свечу ещё немного, чтобы свет не закрывала моя рука. Где мы сидели, так и не вспомнил.

Лиора спросила, цела ли нитка под застёжкой. Переложил книгу на колени и потянул за нитку. Узел держался. Показал, с какой стороны удобнее нажимать, если язычок опять упрётся. Она попробовала сама, не забирая книгу. С первого раза попала куда нужно. На секунду стало почти уютно. С такими вещами можно было разобраться вдвоём и сейчас. Потом Лиора подняла голову. Вспомнил, как вчера у крыльца смотрел на эту же нитку, пока она говорила про нас.

Перехватил книгу под переплёт и сказал, что, наверное, тогда хотелось отплатить за помощь. Лиора подобрала меня в Камышовых Воротах, когда дела пошли плохо. Потом приняла обратно, хотя могла оставить разбираться с Сэем одного. Долг за муку можно было послать через станцию. Полку и застёжку можно было починить. С жильём осталось бы договориться. От этого объяснения стало спокойнее. Можно было узнать, что ещё осталось сделать, и распределить по дням.

Лиора спросила, правда ли считаю, что вернулся из-за долга. Ответил, что по крайней мере понимаю, зачем чинить чужую застёжку, когда тебе дали крышу. Она попросила положить книгу на стол. Пока застёгивал ремень, спросила, когда, по-моему, с таким долгом можно было бы рассчитаться. Проще всего было бы назвать сумму за комнату и за еду. Только разговаривали мы уже не о комнате. Если бы Лиора сейчас назначила плату, пересчитал бы деньги и, пожалуй, обрадовался, что дальше ничего не нужно угадывать. Она подтянула ремень, проверила язычок и подняла книгу.

— Мы за застёжку не рассчитывались, Кэн. А то, что мне хочется видеть тебя дома, не записывай себе в долг.

Хотелось сказать, что ничего дурного в долге нет. Его можно отдать, и обе стороны знают, когда всё кончилось. Можно было пообещать, что к вечеру всё обдумаю и приду поговорить. Такое обещание обычно покупает несколько часов, даже если пока не знаешь, зачем они нужны. Пока подбирал слова, Лиора повернулась к печи. Попросила у Юнь половник и спросила, сколько риса осталось после пробы. Книгу положила раскрытой на краю стола. Убрала только после того, как Юнь показала на мокрый круг от кувшина.

Через минуту Лиора снова спросила, сколько риса осталось. Юнь ответила и на этот раз показала рукой, сколько было в мешочке. Лиора выслушала, взяла чистую мерку и принялась отсыпать обычную крупу в котёл. Поймала пару зёрен, которые скатились со стола, и бросила обратно. Ни разу больше в мою сторону не посмотрела.

Сел на скамью у двери и достал вчерашнюю копию формы. Хотелось проверить, действительно ли там обещали открыть готовую подборку сразу, как только соглашусь. Да, обещали. Чаша могла бы показать и тот вечер, когда чинил застёжку, если он попал в общий список. Если не попал, заранее мне никто об этом не скажет. Свернул лист по старому сгибу. На нём уже было записано, что форму только прочёл. Карандаш лежал рядом. Подвинул его к себе, но так ничего и не приписал.

Юнь позвала к весам. На столе лежал завязанный мешочек с присланным рисом. Она попросила отделить расход на пробу от обычного кухонного. Тэй принёс деревенскую книгу и хотел знать, сколько зерна ушло на работу по заказу. Весы поставил на край стола. Юнь подала гири. Первую пришлось заменить меньшей, а потом подождать, пока перестанет качаться коромысло. В этом деле по крайней мере можно было увидеть, когда ошибся.

Сверил остаток в мешочке с записью о том, сколько из него брали. Несколько зёрен ушли на вчерашнюю пробу Крума. Юнь отметила это у себя и оставила мешочек открытым, чтобы

можно было сравнить зерно с тем, что лежало у печи. Посылочный рис был круглее. То, что Юнь готовила для раздачи, брали из деревенских запасов и считали отдельно. Попросил показать квитанцию к посылке. Юнь достала её из папки рядом с деревенской книгой. Тэй оставил там и накладную, по которой выдавали рис на праздник. В ней был старый расчёт на каждый двор. По нему собирались брать зерно и теперь, если дело дойдёт до общего стола.

Строки шли по порядку. Слева номер двора, справа мерки риса. После шестого двора сразу шёл восьмой. Сначала принял цифру за помарку. Посмотрел на следующий номер. Там уже стояло девять. Седьмого двора в списке не было. Провёл карандашом вдоль чисел и сложил. Получилось двадцать четыре мерки. Внизу стояло двадцать восемь. Заново сложил снизу вверх. Четырёх по-прежнему не хватало. Попросил Юнь посмотреть, не вынесена ли отдельной строкой плата зерном за помол. Она проверила оборот. Там стояла только подпись о выдаче.

Юнь принесла лист, по которому собирались ставить чашки на праздник. Там тоже выходило двадцать четыре. Юнь сверила число со старой дощечкой Суми. На ней было двадцать восемь насечек, по одной на чашку. Четыре могли быть запасными, подумал сперва. Но запас считали отдельно, на обороте, а там было пусто.

Суми пришла забрать миску и остановилась у весов, пока освобождал ей место. Показал, где в накладной за шестым двором сразу шёл восьмой, и спросил, сохранился ли у неё старый список столов. Суми сказала, что чашки тогда ставили по заказу и список мог остаться у неё с бумагами за обжиг. Самой ей номера дворов ничего не говорили. Предложила сначала посмотреть бумаги у неё, а дощечку, если понадобится, она принесёт сама. В запертый дом с ней не пойдёт. Снаружи сверить можно.

Переписал номера соседних дворов и оба итога. Пока складывал накладную, Лиора подошла за рецептом. Видела, что собираемся к Суми, но взяла свой лист и книгу с края стола. Хотел было сказать, что со списком справлюсь. Со списком действительно справился бы. Только про рис мог пока поручиться за вес. Сколько человек ели из одного котла и как делили его по столам, лучше было спросить у того, кто готовит.

— Пойдёшь с нами? В итоге на четыре мерки больше, чем в строках. Хочу понять, на сколько человек их могло хватить.

Лиора спросила, можно ли взять ту мерку, которой на кухне сегодня отсыпали крупу. Передал ей деревянный стаканчик. Она стряхнула со дна пару зёрен и убрала его в карман передника. Рецепт сложила отдельно, чтобы не помять. Суми уже ждала у выхода во двор. Взял накладную и пошёл с ними.

Глава 8. Имена под известью

Лиора

Суми вынесла счётную дощечку из гончарного двора, прижав её к переднику. Список столов она среди бумаг не нашла. Там лежали счета за обжиг, и их надо было ещё перебрать. К старому дому Суми предложила сходить сразу. Если мы хотим узнать, на сколько человек ставили чашки, у двери могли остаться отметки.

Дощечку она понесла сама. У меня в кармане постукивала о пуговицу деревянная мерка, которую Кэн дал на кухне. Четыре мерки в накладной могли означать и четыре миски, и больше. Зависело от того, каким стаканчиком отмеряли рис и сколько воды брали. По дороге Кэн спросил, смогу ли определить это по рецепту. Сказала, что сперва нужен старый счёт. Пока даже не знали, как называли двор, который пропустили в списке.

У крыльца встретили Тэя. Ключ по-прежнему был у него, и он сразу сказал, что внутрь пускать никого не станет. В прошлый раз осмотрели засов и услышали голос. По его мнению, если хотим узнать о посуде, достаточно найти гончарный счёт. Суми согласилась, что за порог ступать незачем, и показала на узкую нишу слева от двери. Туда раньше ставили дощечки, по которым носили посуду к праздничным столам. Если в руках две стопки чашек, удобнее взглянуть на отметку у двери, чем искать хозяина по дворам.

Суми приложила свою дощечку к каменному уступу. Она легла плашмя, хотя один край выступал. На деревянной стенке в глубине ниши виднелись четыре маленьких углубления. Два были забиты известью. Поддела отставшую известь черенком деревянной ложки. Она осыпалась на ладонь. Углубления оказались круглыми, все на одной высоте. Над ними проступили резаные буквы. От первого штриха осталась только половина, зато дальше читалось ясно. Жэнь.

Прочла вслух. Суми присела на край ступени, положила дощечку на колени и провела пальцем по четырём коротким насечкам у конца. Сказала, что круги у двери обозначали места за столом. Где было два круга, туда несли две чашки. Для одного дома четыре чашки были обычным заказом. Кто жил здесь, Суми сказать не смогла. Дала мне приподнять дощечку к свету, чтобы было видно, какие отметки она имеет в виду. Потом забрала её обратно.

Кэн показал на верхнюю планку ниши. У самого края была вырезана семёрка. Он развернул накладную. За шестым двором всё так же шёл восьмой. Переписала фамилию на отдельный лист и срисовала четыре кружка. Мерку из кармана так и не вынула. Сколько риса могли выдать этому дому, пока оставалось вопросом. Сколько мест здесь отводили за столом, было вырезано у самой двери.

Достала из книги отпечаток скобы, который сняли при Наре. Кэн придержал бумагу рядом с железом. Две шляпки гвоздей пришлись на те же места, и у нижнего угла совпал загнутый край. Светлая полоска дерева под засовом была видна сбоку, как и в прошлый раз. Хотелось поставить на рисунке дату пожара. Спросила у Тэя, где её можно узнать. Он ответил, что у него есть внешняя опись ущерба. За точным числом лучше идти к бумаге. В памяти у него остался только год бедствия.

Со двора донёсся стук. Двое рабочих положили у стены лестницу. Третий принёс лом и спросил, с какой доски начинать. За ними вышел Рун Чэ. Суми назвала его, пока он здоровался с Тэем. Рун держал рисорушку и, как выяснилось, уже договорился забрать годное дерево на ремонт. Начать хотел с боковой стены. Верхний угол, по его словам, отошёл от балки. Если его снять, навес хотя бы не потащит за собой всё остальное.

Посмотрела туда, куда показывал Рун. Между верхней доской и балкой действительно был зазор. Тэй попросил всех отойти от стены. Суми отступила к ограде, прижав дощечку к груди. Один рабочий потянулся за ломом. Попросила его обождать и послала за плотником,

который в прошлый раз проверял ступени. Тот пришёл с нижнего двора, посмотрел на стену с земли и сказал, что её можно подпереть снаружи. Два сухих бруса под углом удержат этот край. Нижние концы надо упереть в колодки, иначе на камне разъедутся.

Рун спросил, кто даст брусья, а потом придёт проверить, как их поставили. Вопрос был хороший. Подпорка на словах весит мало. Спросила цену у плотника. У него были два готовых бруса для собственной крыши. Он назвал сумму, за которую смог бы купить новые. У нас в Камышовых Воротах за такие деньги дали бы ещё и доски на полку. Согласилась. Плотнику ещё надо было успеть поставить брусья засветло. Попросила Тэя провести подпорки как расход по проверке. Если собираемся ещё смотреть нишу и засов, надо сперва оставить стену на месте.

Тэй взглянул на зазор под балкой и спросил плотника, успеет ли тот до вечера. Плотник сказал, что поставить недолго, лишь бы привезли дерево. Тогда староста разрешил отнести расход на заказ. Рун велел рабочим убрать лом, но попросил отдать то, что они уже вынесли из наружного чулана. У его ног стоял ящик с выжженной надписью «Рисорушка». Крышка была притянута бечёвкой. Рун сказал, что там хозяйственные бумаги. Их хранили здесь вместе со старыми мерками. Своё имущество он заберёт, раз уж работы отложили.

Кэн спросил, что ещё вынесли. Рабочие показали две доски от разобранной полки и деревянную планку, которую успели поднять с камня у жёлоба. Узнала её по косым зарубкам. Крум тогда просил оставить мерку на месте, пока не выясним, куда её ставили. Рун сказал, что планка тоже может принадлежать рисорушке. Кэн попросил сперва записать, откуда её взяли и кто сможет подтвердить, чья она. Плотник сказал, что видел её на камне ещё до сегодняшних работ. Тэй велел положить обратно. К двери Рун после этого подходить не стал.

С ящиком вышло иначе. Рун поднял его за ручку и поставил на телегу. Кэн успел подать ему лист с перечнем. Попросил подписать, что увозит один ящик и что содержимое при нас не сверяли. Рун прочёл, спросил, можно ли дописать, что ящик с рисорушки, и сам это вписал. Потом подписался. Две доски по просьбе Тэя рабочий положил под навес. Кэн отметил это на том же листе. Тэй приписал, что планку вернули на камень, а дверь оставили на месте. Ящик уже увезли, когда Кэн убрал лист в свою книжку.

Плотник ушёл за инструментом. Кэн догнал у ограды другого возчика и узнал, что тот всё равно повезёт колодки к нижнему двору. Брусья лежали по пути. Через несколько минут Кэн вернулся и сказал, что за отдельную телегу платить не придётся. Возчик возьмёт оба бруса за одну доплату. Спросила, не хочет ли он заодно вернуть часть цены за само дерево.

— Брусья уже купили, — ответил Кэн. — Пусть лучше сегодня стоят у стены.

К тому времени, как привезли дерево, плотник разложил колодки и прогнал людей с прохода. Рабочие Руна помогли поднять первый брус. Второй поставили с другой стороны навеса. Плотник проверил оба и натянул поперёк прохода верёвку. Тэй прикрепил к столбику лист со своей подписью. Теперь снять стену можно было только после нового разрешения. Строку про дверь Кэн показал плотнику ещё раз. Тот пообещал следить за ней, пока будет проверять подпорки.

Внешнюю опись Тэй принёс, когда рабочие собрали инструмент. Лист был сложен вместе со справкой о бедствии, которую показывали при расчёте ремонта. Староста разложил их на скамье у ограды. Сказал, что дом в описи надо искать по номеру. В тот год списки повреждений вели отдельно, чтобы каждый проверяющий мог прочесть их без доступа к запертым дворам.

Под седьмым номером была короткая запись. Дверь повреждена огнём. Погибших четверо. Дата стояла в правом столбце. Перевела взгляд на справку. Под словами «Начало бедствия» было другое число. Спросила, не записали ли в описи день, когда приходили смотреть дверь. Тэй показал заголовок столбца. Там значился день утраты. На справке под датой бедствия шло первое распоряжение о помощи.

Кэн положил рядом накладную и попросил ещё раз прочесть оба числа. Между ними выходило девять дней. Тэй сказал, что за начало могли принять день, когда посчитали постра-

давшие дворы и объявили помощь. Такое бывало. У нас после прорыва у переправы сперва вытаскивали мешки с мукой и только потом выясняли, чьи деньги пошли на верёвки. Но в описи говорилось о четырёх погибших в одном доме, и день их смерти уже был записан. Хотелось узнать, что именно девять дней спустя назвали бедствием. В справке об этом не было ни слова.

Спросила, кто составил опись. Внизу вместо имени стояла должность — смотритель дворов. Тэй не смог сказать, кто тогда её занимал. Кэн показал на обороте старой накладной подпись о выдаче риса. Если найдётся ещё одна бумага с фамилией, можно будет проверить, один ли человек отвечал за оба списка. Хотелось взять накладную и сразу пойти за Руном. В ящике могли лежать нужные бумаги. Пока из перечня, который Кэн успел составить, мы знали только, кто увёз ящик. Теперь по крайней мере было куда обратиться.

Суми стояла рядом, держа дощечку ребром к груди. Спросила, были ли там имена. Показала ей строку. Вместо имён стояло число. Суми едва коснулась его пальцем и попросила дать ей сесть. Освободила край скамьи. Она положила дощечку на колени и всё смотрела на четыре короткие насечки. Спрашивать, кого она помнит, не стала. Записала отдельно, что именно сказано в описи, и оставила место для имён. Четыре кружка у двери отмечали места за столом. Как насчитали четверых погибших, в описи не объясняли.

Нара подошла со стороны гончарного двора, когда Кэн сверял числа в моей записи. Прочла заголовок над датой и спросила, можно ли снять копию. Тэй позволил переписать лист при нём, если подлинник вернётся к справке. Нара села на край скамьи и держала бумагу, пока Кэн переносил строку целиком. В своей книжке он сначала поставил рядом оба числа, потом дописал, какое относится к утрате и какое к началу бедствия. Хотелось спросить, что он об этом думает. Дождалась, пока он сверит последнее слово с подлинником.

Из-за ставни опять попросили соли. Стучать у стены уже перестали, и в тишине услышала перед знакомой фразой ещё один звук. Подошла ближе, до верёвки, за которую плотник просил не заходить. Костяная вставка на нижней планке успела потемнеть. Когда она снова посветлела, из окна донеслось «Сун…». Дальше прозвучали те же слова о соли. Последнее слово голос поднял так же, как в прошлый раз.

Обернулась к Суми. Она сидела у ограды и смотрела на дощечку. Кэн спросил меня, расслышала ли всё слово. Удалось разобрать только начало. Это могло быть имя или конец предыдущей фразы. Подождали ещё. Кэн следил за вставкой, а мне хотелось проверить, донесётся ли первый звук до крыльца. Прошла вдоль верёвки к двери. Там отчётливо слышно было, как просят подать соль, а начало потерялось. Вернулась на прежнее место. Вставка снова посветлела. Снова прозвучало «Сун…», потом попросили соли. Записала услышанное на полях и оставила многоточие.

Хотелось спросить, кто сидел за столом. Уже набрала воздуха. Нара стояла рядом и тихо сказала, что ставня воспроизводит один и тот же отрывок. Если сейчас задать вопрос, через полминуты снова попросят соли. В Илмаре доводилось слышать архивные голоса, которые могли поддержать разговор в пределах своей записи. Здесь за всё время прозвучало только то, что уже успели записать. Отошла от окна, пока вставка была тёмная.

К вечеру вернулись к Суми во двор. Кэн принёс копию внешней описи. Тэй взял подлинник со справкой и принёс выписку из деревенского каталога по старому дому. Он хотел приложить к ней сегодняшнюю запись о подпорках. Чаша оставалась у него под двумя печатями. Тэй развернул выписку и нашёл номер запроса. Возле него снова пустовала строка для имени. Рядом положила лист, на котором срисовала четыре кружка и написала «Жэнь».

Тэй спросил, стоит ли вписать найденное имя в каталог сейчас. Кэн предложил оставить выписку как есть, а находку приложить отдельным листом с указанием места. Тогда утром можно будет сверить её со старыми записями и посмотреть, где именно пропало имя. Тэй согласился. Записал расход на брусья и доставку на обороте листа, который Кэн принёс от

дома. Посмотрел на две суммы и спросил, почему дерево обошлось во столько, а дорога почти даром. Кэн сказал, что у возчика уже была оплаченная поездка. Расход на брусья староста подписал целиком.

Суми принесла свёрток, который искала утром. Списка столов в нём так и не оказалось. Зато нашёлся счёт за обжиг. Она разложила его возле дощечки и показала дату. Чашки заказывали до бедствия. Это она могла подтвердить по своему счёту. Дата в нём стояла ещё раньше, чем в описи. Запасные чашки Суми записывала отдельно. В этом заказе их не было. Попросила разрешения переписать счёт. Суми сказала, что копию можно взять. Подлинник она уберёт у себя.

С полки Суми сняла чашку, которую Юнь утром ей вернула. Достала из кармана деревянную мерку, наполнила водой и перелила в чашку. До ободка чуть не хватило. Даже из одной такой мерки сухого риса выйдет больше чашки варёного, если готовить по нашему рецепту. Кэн спросил, могла ли старая мерка быть меньше. Могла. У него в книжке уже стояли рядом две четвёрки. Попросила подписать одну «мерки», другую «места». Теперь знали, к какой двери несли четыре чашки. Сколько зерна получил этот двор, ещё предстояло выяснить.

Пока Кэн сверял копию счёта, перевернула внешнюю опись. На обороте, у нижнего сгиба, проступил полумесяц над тремя короткими чертами. Такие знаки видела на белых чашках в Камышовых Воротах. Прижала край бумаги пальцем и повернула к лампе. Оттиск стоял в стороне от подписи смотрителя. Рядом не было ни имени, ни даты. Хотелось сначала спросить Нару наедине. Тогда у неё было бы время посмотреть и решить, что она может сказать. Кэн сидел тут же и вёл карандашом по дате, которую мы сегодня перепроверили при всех.

— Нара, посмотри. Этот знак тебе знаком?

Протянула ей лист оборотом вверх. Кэн отложил карандаш. Нара придвинула лампу и узнала знак Холодного Горла. Потом спросила, видели ли мы его на других бумагах из этого дома. Суми придвинула свой счёт. Кэн перевернул его. Оборот был чистый. Нара снова посмотрела на опись и провела пальцем рядом с полумесяцем.

Она сказала, что на чашах, с которыми ей доводилось работать, подписи ставили по наружному краю. Иногда их можно прочесть при свете, не открывая чашу. Нара спросила у Тэя, согласится ли он утром показать кайму. Тэй сложил выписку из каталога и сказал, что сперва хочет увидеть обе копии. Кэн подал ему выписанную строку из описи, Суми — копию счёта. Пока Тэй читал, придвинула к Наре чистый лист. Она перерисовала знак при нас и оставила под ним место. Если на чаше окажется подпись, завтра будет с чем её сравнить.

Глава 9. Подпись ученицы

Кэн

Тэй снял чашу с полки, придерживая под дно, и поставил на стол. Обе печати на шнуре были целы. Крышка закрывала обод, зато ниже оставалась открыта широкая полоса глины. Нара попросила повернуть чашу к окну. Староста повернул её сам, а мне предложил подвинуть лампу. Подвинул сбоку, чтобы руку не пришлось протягивать над крышкой.

Нара разложила рядом лист, на котором вчера у Суми срисовала знак с описи. Полумесяц над тремя чертами. На чаше такой же обнаружился там, где сходились края росписи. От него по наружной кайме шли короткие подписи. Некоторые читались только сбоку. Нара объяснила, что там расписывались те, кто обслуживал сеанс. Людей, которым помогали, записывали отдельно. Тэй держал чашу за основание и поворачивал, когда Нара просила.

На одной подписи задержался. Под двумя буквами шла черта, а в конце крючок был повёрнут внутрь. Такой крючок Нара до сих пор ставила на своих листах. Попросил у неё экземпляр условий, которые согласовали перед чтением каталога. Она достала его из сумки. Положил бумагу рядом с чашей и попросил Тэя повернуть её ещё немного. У букв оказался разный наклон, зато черта и крючок сходились почти в одном месте.

— Нара, это твой знак?

Она нагнулась, потом выпрямилась и попросила дать ей карандаш. На свободном углу листа вывела две буквы и ту же черту. Крючок получился с первого раза. Нара посмотрела на него, прежде чем ответить.

— Мой. Так подписывалась, когда была ученицей.

Тэй перестал поворачивать чашу. Нара сказала, что тогда ездила с наставником по разным местам. Работу помнила и могла объяснить, где обычно расписывалась. Именно этого сеанса не помнила. Попросила прочесть всё, что стояло рядом со знаком. Слева была другая подпись, справа — номер сеанса. О том, кто держал чашу и кто принимал ответы, на кайме не говорилось. Переписал номер и срисовал знак. Нара проверила, что крючок смотрит внутрь, и попросила отметить рядом, что узнала подпись сама. Тэй предложил приписать, что она присутствовала при сеансе. Нара попросила пока оставить только то, что смогла подтвердить. Потом подписала лист нынешним почерком и поставила сегодняшнее число.

Хотелось спросить, уверена ли она, что забыла. После чаши мне задавали похожие вопросы. Можно хоть до вечера напрягаться изо всех сил и всё равно не вспомнить, как вошёл в комнату. Спросил только, за что тогда полагалось расписываться. Нара ответила, что работала с записями по поручению наставника. Что именно ей поручили здесь, по знаку не определить.

Тэй предложил на этом остановиться. Мы хотели узнать, откуда полумесяц на описи. Теперь понятно, что работало Холодное Горло. Нара, выходит, тоже там была. Если она ничего не помнит, от дальнейших вопросов ей будет только хуже. Нара убрала карандаш с листа и попросила Тэя поставить чашу обратно. Пока он убирал её на полку, сложил рисунок пополам. Хотелось узнать, кто спрашивал людей, согласны ли они на помощь, и где отмечали ответ.

Спросил Тэя, где держат записи о согласии. Он кивнул на запертую дверь в конце навеса. В комнате за ней хранились бумажные списки. Ответы, по его словам, собирали перед началом. Порядок работы он может показать. За подробностями сеанса придётся обращаться к архиву, а чашу он открывать не станет. Попросил показать только лист с ответами. Тэй взял ключ и пропустил нас за дверь.

В комнате вдоль стены стоял шкаф с широкими полками. Тэй достал тетрадь в полотняной обложке и раскрыл на столе. Номер сеанса нашёлся в верхнем углу. На лицевой стороне напротив номеров дворов стояли ответы. Где отметку повторяли, рядом вписывали время. Нара показала, как отличить новый ответ от подтверждения прежнего. В одном месте строку

перечеркнули и сверху мелко написали «Согласие отозвано». Ниже рукой помельче стояло «Продолжение запрещено».

Подождал, пока Тэй перевернёт лист. На обороте было общее подтверждение. Его внесли позднее, в тот же день. Под ним стояла печать старосты. Поискал строку с новым ответом того человека. Её не было. Приподнял край листа к окну, чтобы посмотреть под сгибом. У отзыва стояло время. Рядом оставалось место, куда могли бы вписать следующий ответ. Бумага там была чистая. Спросил, переносили ли отказ в другую тетрадь. Тэй сказал, что отдельные ответы оставались на первой стороне, а после общего подтверждения смотрели уже на итог. Поставил палец на печать, словно этим можно было закончить и наш разговор.

Нара попросила снять две копии. Обе стороны листа целиком, со временем и пометой у зачёркнутой строки. Тэй спросил, зачем две, если одну она может взять себе. Нара ответила, что подпись на чаше её. Одну копию предложила взять мне, другую — Юнь. Если появятся ещё бумаги о её участии, попросит нас хранить и их. Пока не выяснит, за что именно расписывалась, держать эти листы только у себя не хочет.

Тэй покосился на дверь. По его словам, Юнь приехала вести кухню, а теперь ей придётся хранить деревенские бумаги. Нара предложила сперва спросить у неё. Юнь нашлась во дворе, куда вышла за дровами. Нара показала ей рисунок подписи и сказала, почему просит помочь. Юнь дочитала до номера сеанса и спросила, будут ли на копии имена жителей. У дворов были только номера. Она согласилась взять листы и держать их отдельно от расходной тетради. Если понадобятся кому-нибудь ещё, сначала скажет нам обоим.

Одну копию начал делать сам. Для второй Нара попросила позвать станционного писаря. Тэй хотел дать ему мой лист, чтобы не держать подлинник на столе. Нара сказала, что отметка писаря нужна именно о сверке со старой тетрадью. Иначе у нас будут две копии того, что успел прочесть один человек. Станционный писарь по утрам забирал у Тэя ведомости отправлений, и Бо нашёл его во дворе. Писарь сказал, что может переписать открытый лист и удостоверить, с какой страницы снята копия. За работу полагалась плата. Хотел предложить провести расход по нашему заказу, но Нара уже отсчитала монеты из своего кошелька и попросила выписать квитанцию на её имя.

Копии сверяли при Тэе. Писарь прочёл помету об отказе, остановился на слове, которое уходило под сгиб, и попросил прижать угол тетради. Нара подложила под сгиб чистый лист, и слово стало видно. В моей копии вышло одно «продолжение». Вписал над строкой пропущенное «запрещено» и снова сверил время. Писарь поставил внизу свою отметку, показал номер страницы и отдал второй экземпляр Юнь. Та дождалась, пока высохнут чернила, завернула копию и унесла на кухню.

Нара осталась у стола. Тэй хотел забрать тетрадь, но она попросила ещё на минуту открыть её на отказе. Прочла строчку сама, потом попросила показать время на обороте. Ей было важно знать, не записали ли общий ответ раньше. Печать поставили позже. Нара закрыла тетрадь и пододвинула Тэю. Её знака возле отзыва не было. Зато теперь можно было спросить, кто решил продолжать после него.

Тэй сказал, что, если бы тогда остановились из-за одного человека, помощи не получил бы весь Лушань. Люди боялись выходить из своих дворов. Некоторые ночью сидели у ворот, чтобы никто не пришёл сводить счёты. Утром всё равно надо было идти за водой и открывать амбары. Сэй Торан обещал, что после сеанса им станет легче хотя бы снова садиться за один стол. Тэй говорил об этом, глядя на тетрадь. Рукой придерживал её закрытой, но со стола пока не убирал.

Указал на дату под общей печатью. Спросил, что в тот день ещё угрожало людям. Тэй ответил, что опасность не проходит сразу, когда убирают караул. У него сохранились ведомости на ночные дежурства. Попросил показать последнюю. Он достал из шкафа папку. На обложке

было то же число, что на вчерашней справке о начале бедствия. Внутри лежали записи о выдаче масла для фонарей и расчёт с теми, кто стоял у ворот.

Последняя выдача была за несколько дней до сеанса. Спросил, выдавали ли потом масло из другого запаса. Тэй перелистнул до конца. На обороте стояла его подпись под распоряжением снять ночной караул. Там же было записано, что проход к колодцу и складу снова открыт, а тем, кто укрылся у родных, можно вернуться домой. Спросил, не выставили ли караул снова. Тэй сказал, что после того распоряжения уже не выставляли. Свою подпись он узнал сразу. Припомнил даже, что одного дежурного попросил отнести фонарь домой, потому что тот был его собственный. Остальное масло вернули в кладовую. Внизу на листе стояло, сколько вернули.

Переписал число и положил рядом с датой сеанса. Между ними было три дня. Тэй посмотрел на даты и сказал, что в ту пору от любого стука люди хватались за засовы. Караул можно было снять, потому что на улице стало безопасно. В доме человек мог по-прежнему не спать. В это верилось. Вчера перед сном дважды проверил, где стоит сумка, хотя сам убрал её под лавку. От этого всё же не хотелось, чтобы утром мне выбрали, что помнить про собственную комнату.

— Стоило остановить сеанс, и пришлось бы всем начинать сызнова, — сказал Тэй.

Спросил, почему нельзя было остановить работу с тем, кто передумал, а остальным дать продолжить. Тэй сказал, что им предложили одну общую работу. Если остановиться и спрашивать каждого отдельно, люди унесут домой каждый своё, и за столом опять начнётся прежнее. Нара спросила, говорили ли об этом человеку до того, как тот отозвал согласие. Тэй не ответил сразу. Расправил край папки и сказал, что тогда доверяли Сэй Торану. Что успели объяснить каждому, он теперь не помнит.

Вчера в описи нашлась дата смерти четверых. Под известью сохранилась фамилия, которой не было в каталоге. Теперь появилась ещё одна дата, и хотелось спросить Тэя, когда за общим ответом перестали смотреть на отдельный. Вчера он согласился на подпорки, хотя Рун уже привёл рабочих. Здесь придерживал закрытую тетрадь так, словно без неё снова придётся ставить людей у ворот. Попросил показать следующий лист. Если после отзыва разрешили продолжать, где-то должно было быть записано, кто это решил.

Тэй убрал тетрадь на полку и запер дверцу шкафа. Потом открыл деревенский каталог на указателе и отметил, что раздел общих сеансов закрыт для просмотра. Сказал, что хранить общий покой — его обязанность. У нас уже есть больше, чем требовалось для проверки праздничного рецепта. Когда начнём расспрашивать про каждый отказ, люди решат, что их опять собираются вести к чаше. Нара попросила вписать, что просмотр закрыт по его решению, и поставить сегодняшнюю дату. Тэй дописал и подписал.

Свою копию сложил в книжку. Тэй заметил это и спросил, не собираюсь ли показать её по всем дворам. Сказал, что прежде всего спрошу человека, который вёл сеанс. По нашим листам можно проверить время и подписи. Остальное пусть рассказывает тот, кто там был. Тэй задержал руку на ключе, но копию не потребовал. Нара взяла со стола квитанцию писаря и проверила, указан ли на ней номер страницы. Попросила и меня посмотреть. Номер совпал. Тогда она убрала квитанцию, а у двери придержала меня за локоть. Ещё можно было успеть к утренней отправке.

Под навесом Нара попросила записать запрос Сэй Торану. Бумагу положил на ту же скамью, где утром сравнивали подписи. Она продиктовала номер сеанса и дату. Потом попросила указать, что узнала знак ученицы и не помнит самой работы в Лушане. Пусть Сэй скажет, что поручил ей в тот день, какое действие она подтвердила и где это записано. Если сохранился рабочий журнал, нужны номер и место хранения. Передать письмо следовало через городского хранителя записей, чтобы и ответ пришёл с его отметкой.

Прочёл написанное вслух. В одном месте Нара остановила меня. Там стояло «кто дал разрешение продолжать». Она попросила добавить «после отзыва согласия». Без этих слов Сэй мог ответить, кто разрешил начать сеанс, и у нас появилась бы ещё одна подпись, про которую потом пришлось бы выяснять, что она подтверждает. Исправил и подал лист. Нара подписала его и сама сложила. Свой знак она теперь ставила иначе. Только крючок в конце остался прежним.

На станцию пошёл с письмом и листком, на который переписал номер сеанса. Дорогу уже знал. Пи-па догнал у самого окна и сказал, что письма небесных свидетелей можно возить бесплатно. Ему оставалось только занять место отправителя. Попросил не загораживать список цен. Писарь показал, сколько берут за срочное личное письмо и сколько за срочный запрос к хранителю. Запрос стоил меньше, если на конверте указаны адрес и номер записи. Спросил, пойдёт ли он тем же рейсом. Писарь заглянул в ведомость. И письмо, и запрос уйдут с полуденной почтой. Запрос сперва отнесут хранителю. Именно так и просила Нара. Заплатил по этой строке, пока Пи-па прикидывал, куда впишут его титул. Фазан спросил, нельзя ли хотя бы записать его в свидетели доставки. Писарь ответил, что доставка ещё не состоялась. Пи-па задумался и решил ждать подтверждения.

Получил квитанцию. На ней стояли время отправки, номер и имя того, кто примет письмо в городе. Убрал её в книжку отдельно от корешка за муку. По дороге обратно хотелось сразу отнести Наре и квитанцию, и пересказ разговора с Тэем, чтобы у неё под рукой оказалось всё, что можно проверить. Потом вспомнил, как она попросила отдать второй экземпляр Юнь. Показал Наре квитанцию и переписал номер отправления для Юнь. Нара попросила, чтобы ответ принесли при всех, кто будет его сверять.

Лиору нашёл у походной печи. Она собиралась отмерять рис для Крума. На столе стояли две миски, и одна была накрыта. Лиора спросила, отправили ли письмо. Показал квитанцию. Она прочла имя хранителя и вернула.

— Приготовишь вечером ужин для Нары? Самый обычный.

Лиора спросила, позвать ли её за общий стол. Сказал, что лучше оставить порцию под крышкой и дать Наре самой выбрать, где поесть. После разговора у чаши предлагать ей ещё один разговор за едой не хотелось. Лиора сказала, что сварит рис и отложит миску до того, как возьмётся за пробу. Поблагодарил её. Она кивнула и придвинула обычный котёл к печи. Спросил, пригодится ли помощь. Лиора попросила сперва принести чистую воду для ужина. Закрыл книжку, убрал её в сумку и взял ведро.

Глава 10. Проба сладкого

Лиора

Пока Кэн ходил за водой, успела вынуть из мешка с лушаньским рисом полную горсть и ссыпать обратно почти всю. Для пробы хватило бы щепоти, хотя рука сама отмерила с запасом. Затянула мешок и убрала под стол. Сначала ужин, как обещала.

Поставила котёл с нашим рисом, нашинковала капусту для тушения и достала лук. Нара могла прийти когда угодно, а могла вообще не захотеть сидеть с нами. Подобрала крышку к её миске, лук поджарила отдельно. После таких разговоров сама иногда обнаруживала только по пустой тарелке, что поела. Пусть у Нары будет возможность обойтись простым рисом.

Кэн принёс ведро, наполнил кувшин у печи и поставил его как раз туда, куда поставила бы свою чашку. Сразу захотелось подвинуть кувшин на ладонь вправо. Кэн всегда оставлял возле ручки место для чашки. Сегодня он освобождал себе угол стола под книжку. Подвинула свою чашку к котлу и попросила записать, из какого мешка взят рис для ужина и из какого для пробы. Кэн уточнил, что проследит за составом и временем, а пробовать не станет. Пообещала, что его дело на этом и кончится.

Выбрала случай с рисом, который испортила ещё до ремонта «Тёплой сливы». К концу завтрака риса осталось на одну порцию. Попробовала доварить к нему горсть сырого в той же кастрюле, плеснула холодной воды и ушла принимать муку. Когда вернулась, сверху лежала клейкая каша, а снизу уже прихватило. Помнила и что сделала дальше. На обороте старой записи о муке отметила две подробности, по одной для каждого момента, и положила лист сгибом вниз.

Крум велел промыть лушаньский рис пальцами, в широкой миске. В прошлый раз, когда проверяли воду, нам было достаточно прогреть несколько зёрен. Сейчас его интересовало, как рис ведёт себя под рукой. Кэн посмотрел на щепоть и предложил промыть её быстрее, под струёй над ситом. Крум попросил хотя бы раз дать ему договорить. Кэн взял миску, чтобы подвинуть ко мне, и мокрый край выскользнул из пальцев. Подхватила миску обеими руками. Кэн удержал её за край, и его пальцы на секунду накрыли мои. Вода плеснула на стол, зёрна остались на дне.

— Быстрее, — признал Крум. — Можете ещё вытереть стол, пока рис отмокает.

Кэн придержал миску, пока не поставила её на сухую доску, и взял тряпку. Промывать пришлось трижды. По сырому зерну пальцы сперва скользили, потом оболочка начинала цепляться за кожу. На третьей воде Крум попросил остановиться. Спросил, на какой руке задержался запах. Пахли пальцы, которыми тёрла рис. У Кэна, державшего мокрый край, рука пахла только мылом.

Крум вспомнил, как у одного повара в такую воду клали ложку после пробы. Ложку потом вымыли и отдали другому, а указатель всё равно отзывался на первого, стоило ему снова взяться за работу. Консервирующее сладкое крепче держалось за того, кто готовил. Рис тянулся к тому, что повар держал в уме. Что при этом получал человек за столом, Крум тогда не проверял. Пока ужин доходил под крышкой, отмерила в пробную чашку воды и ссыпала туда промытое зерно.

Рис для ужина дошёл первым. Переложила Нарину порцию в приготовленную миску, накрыла и поставила у тёплой стенки печи. Рядом оставила лук. На другом конце стола Кэн положил дощечку для горячей чашки и сухую тряпку. Попросила его отодвинуть пробу и накрыть, если скажу, что хватит. Блюдце он положил рядом с книжкой. Спросил, нужно ли ему знать, что собираюсь вспоминать. Достаточно записать, когда начну и когда попрошу убрать чашку.

Крум предупредил, что чашку нужно снять, едва пойдёт знакомый запах. Греть будем только раз. Хотелось понять, удастся ли удержать один доступный момент и потом перейти к следующему, когда захочется. Удобнее было бы выбрать что-нибудь приятное. Как Кэн в первый раз поставил сумку у двери, уже зная, на какой крючок вешать плащ. Такая проба могла мне понравиться при любом результате. Осталась с кастрюлей испорченного риса.

Кэн отметил, когда поставила чашку на горячий край печи. Пока зёрна размягчались, вернулась мыслями к тому утру. Мешки с мукой уже приняли, в кухне никого не было, из-под крышки пахло пригоревшим. Схватила крышку за железную ручку голой рукой. Помнила, как отдёрнула пальцы. Следом вспоминался стол у двери, на котором оставила ковш с холодной водой. Могла вернуться к мешкам, могла сразу вспомнить, как справилась с заказом. Между этими минутами легко было переходить туда и обратно.

Когда над чашкой пошёл пар, почувствовала знакомый сладкий запах. Дотянулась до тряпки и задержалась. Хотелось, чтобы Кэн тоже успел его уловить. Он поднял голову от книжки. Тогда сняла чашку. Вода в ней ещё немного побулькала у стенок. Подождала, пока рис остынет, и взяла несколько зёрен на ложку.

У риса сладость сперва чувствовалась слабо. Потом во рту остался привкус, какой бывает от корки на дне кастрюли, если её долго отмачивать. Вспомнила ту крышку так ясно, что на миг захотелось опять отдёрнуть руку. Увидела скол на краю крышки и знакомое пятно муки у ножки стола. Раньше на пятно и внимания не обращала. Теперь даже след подошвы в рассыпанной муке был отчётливым. Пальцы сами сжались. Кэн спросил, что изменилось. Сказала, что хорошо вижу то утро. Говорить про пальцы почему-то было неловко.

Попробовала перейти дальше. Могла вспомнить, зачем решила растянуть рис, а что сделала после того, как сняла крышку, уже не получалось. Тогда начала с ковша на столе у двери. Снова вспомнилось, как долила воды. Потянулась к ложке. На языке ещё держалась сладость, и на секунду показалось, что надо просто взять побольше. Ведь с крышкой получилось. А теперь ждала от той же ложки, что она уберёт крышку из головы.

— Снимаем пробу, — сказала Кэну.

Он отодвинул чашку вместе с доской и накрыл блюдцем. Сполоснула рот водой. Ведро, которое Кэн принёс для ужина, так и стояло у прохода. Убрала его под скамью, вернулась к печи и приподняла крышку большого котла. Тут вспомнилось, что в то утро сунула кастрюлю в таз с водой и пошла к соседям занимать рис. У соседей оставался варёный. Разогрела его с луком и добавила к заказу овощей за свой счёт. Разогнула бумагу. Следом за щербиной на крышке в записи шла соседская кастрюля с синей ручкой. Саму кастрюлю уже вспомнила, а цвет ручки вернулся, когда прочла.

Кэн показал, где отметил время, когда попросила убрать чашку. Рядом оставил место для записи. Написала, что в выбранном эпизоде стали отчётливее знакомые подробности. Следующий на несколько минут оказался труднее вспомнить и вернулся сам, до сверки с листком. Проба усилила то, что и так удавалось вспомнить. Про закрытую ветвь из этого ничего узнать не вышло. Кэн наклонил книжку, чтобы на строчку упал свет, и прочёл. Спросил, понадобится ли ещё вода. В кувшине оставалось на одну чашку.

— Сегодня больше не будем.

Кэн убрал ложку с пробной доски и поставил на стол две чистые. Только тогда заметила, что всё ещё держусь за ручку крышки. Попросила его попробовать ужин. Соли он добавил самую малость. Перемешал рис чистой лопаткой, а потом поставил кувшин рядом с Нариной миской. Блюдце на пробной чашке так и осталось.

Перенесла из Кэновой книжки в свою состав пробы и время нагрева, вписала своё имя. Кэн спросил, сколько чашка простояла на жару после того, как пошёл запах. Примерно до счёта три. За это время на раздаче успела бы придвинуть миску.

Когда дописала, поверх страницы проступила ремесленная запись о цене. Малой пробы хватало, чтобы на несколько часов притупить сладкий вкус. За сильную работу с личной ветвью полагалось шесть недель без сладкого. Перечитала строку. Впервые за весь день захотелось ошибиться в том, кому это назначено. В записи стояло моё имя. Повару и платить, даже если в конце работы другой человек откроет своё воспоминание.

Крум попросил проверить, чувствую ли разницу. Пока готовила ужин, попробовала мёд из нашего запаса. Взяла чистую ложку и зачерпнула столько же. Пахло мёдом. На языке было густо и чуть кисло, как если бы к воде примешали каплю фруктового сока. Сладость различалась где-то в самом конце, когда провела языком по нёбу. Отломила кусочек жареного лука. Остался вкус масла. А ведь до пробы этот лук был сладким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.